

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 218

Council of Europe
Conseil de l'Europe

European Union
Union européenne

**ЕВРОПЕЙСКАЯ
ЯЗЫКОВАЯ ХАРТИЯ
И РОССИЯ**

Москва
2010

Council of Europe
Conseil de l'Europe

European Union
Union européenne

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ХАРТИЯ И РОССИЯ

Научная редакция: С.В. Соколовский, В.А. Тишков.

Данный документ подготовлен на средства гранта, полученного ООО «Этноконсалтинг», в рамках реализации Совместной Программы Европейского Союза и Совета Европы для Российской Федерации "Национальные меньшинства в России: Развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества". Мнение авторов данного документа не отражает официальную позицию Совета Европы или Европейского Союза.

**Москва
2010**

ББК 81.2

УДК 323.15+81'272(470+571)

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Е-24 Европейская языковая хартия и Россия / Под ред. С.В. Соколовского и
В.А. Тишкова / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. —
М., ИЭА РАН, 2010. — Вып. 218. — 95 с.

ISBN 978-5-4211-0030-0

В подборке статей обсуждаются проблемы, с которыми могут столкнуться российские власти при имплементации норм Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в России. Во Введении С.В. Соколовского и В.А. Тишкова обсуждаются международные обязательства России и потенциальные проблемы, связанные с применением норм Хартии в России. В.В. Степанов сравнивает действующие нормы российского законодательства с нормами Хартии, обнаруживая высокую степень их взаимного соответствия, а также характеризует степень распространенности различных языков и формулирует основные направления языковой поддержки. В статье С.В. Соколовского основное внимание уделяется проблемным областям имплементации, определяемым на основе анализа европейского опыта и особенностей российской ситуации. О.Н. Подлесных анализирует важнейший источник о распространении языков на территории страны – переписи населения и их языковые программы, оценивает степень надежности переписных данных, а также рассматривает языковую ситуацию в одном из наиболее сложных в отношении языкового состава регионов – Поволжье. Д.А. Функ характеризует языковые ситуации в наиболее уязвимой в языковом отношении группе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Н.А. Мамонтова на основе полевых материалов рассматривает языковые ситуации у илимпийских эвенков и нивхов Сахалина, обсуждая перспективы использования Хартии для защиты этих языков.

© Институт этнологии и антропологии РАН – 2010 г.
© Колл. авторов – 2010 г.
© ООО «Этноконсалтинг» – 2010г.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ХАРТИЯ И РОССИЯ

Resume

EUROPEAN LANGUAGE CHARTER AND RUSSIA

This issue of "Applied and Urgent Anthropology" is focused on the problems that Russian authorities may come to face in the course of implementation of norms stipulated by the European Charter for Regional or Minority Languages. The Introduction by S. Sokolovskiy and V. Tishkov discusses Russia's obligations and potential problems of the Charter's implementation in Russia. V. Stepanov in his article compares the norms of the acting legislation in Russia with the norms of the Charter and comments on the high degree of mutual correspondences; he further discusses the extent to which particular languages are used, and suggests the main directions of support for those languages. The article by S. Sokolovskiy focuses on the problematic issues of the implementation procedure, including its political and economic costs, comparing Europe's experiences with the particulars of the present linguistic situation in Russia. O. Podlesnykh examines the principal source for the analysis of languages distribution in the country – state censuses and their design programs – and assesses the level of reliability of census data, specifically focusing on the Volga region as one of the most complex areas in terms of the linguistic makeup. D. Funk further discusses the situations among minority peoples of the North, Siberia, and the Far East, which are most vulnerable in regard to the state linguistic policies and assimilation trends. N. Mamontova basing on her fieldwork among Evenki in Krasnoyarsk region and Nivkhi of Sakhalin discusses the linguistic situations in various language usage domains among these indigenous minorities and suggests that the implementation of the European Language Charter in Russia should be supported by linguistic research and monitoring.

Оглавление

Соколовский С.В., Тишков В.А.	Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России	4
Степанов В.В.	Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации	11
Соколовский С.В.	Международный опыт и проблемы имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в России	30
Подлесных О.Н.	Российские переписи населения, статус языковых сообществ и Европейская языковая Хартия	42
Функ Д.А.	Языки малочисленных тюркских народов Южной Сибири и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств	66
Мамонтова Н.А.	Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия	79

С.В. Соколовский, В.А. Тишков

Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств была принята в качестве конвенции на 478-м заседании Комитета министров Совета Европы 25 июня 1992 г. и открыта для подписания 5 ноября 1992 г. в Страсбурге. В феврале 1996 г. при вступлении в Совет Европы Российская Федерация среди принимаемых ею обязательств брала на себя и обязательство по ратификации языковой Хартии. 10 мая 2001 г. Российская Федерация присоединилась к странам, подписавшим Хартию (Распоряжение 2001). Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в одной из своих резолюций напомнила России о ее обещании ратифицировать данную Хартию (Резолюция 2002: Ст. 8.III). В июне 2005 г. ПАСЕ вновь напомнила России о необходимости выполнения принятых обязательств, и, в частности, “в отношении Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств — незамедлительно ее ратифицировать и таким образом выполнить обязательство, первоначальный предельный срок выполнения которого истек в феврале 1997 года” (Резолюция 2005: Ст. 13.XI). Стоит, однако, помнить, что все обязательства России, включая ратификацию в течение определенного срока основополагающих документов Совета Европы, перечислены в Заключении ПАСЕ 193 (1996) относительно условий вступления России в Совет Европы, которое носит *рекомендательный характер* (Opinion 1996).

В своем анализе выполнения Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы, О.О. Миронов — в то время Уполномоченный по правам человека — отмечал, что “при вступлении в 1996 г. в Совет Европы соответствующими российскими структурами была не до конца и не полностью проведена сложная и ответственная подготовительная работа, в частности, не было всесторонне проанализировано, какие конкретные изменения, в каких сферах и каким образом предстоит сделать, чтобы адаптироваться к европейским стандартам” (Миронов 2002)¹. Основной целью предлагаемой ниже читателям подборки статей как раз и является анализ проблем и предстоящих законодательных и практических мер для адаптации европейских норм и правового регулирования языковой поддержки в России.

Практическая работа по имплементации норм Хартии была возложена на Министерство регионального развития, под эгидой которого была создана Межведомственная рабочая группа по вопросу ратификации Хартии. Первые заседания группы состоялись в 2006 г. В силу того, что в заседаниях участвовали по преимуществу лингвисты и специалисты в сфере управления образо-

ванием, но не было юристов-международников, занимающихся проблемами языковых прав, а также этнологов, изучающих меньшинства и их этноязыковые проблемы, значительное время ушло на обсуждение толкований терминов “национальные меньшинства”, “региональные языки”, “языки меньшинств”, чего можно было бы избежать, ознакомившись с анализом понятийного инструментария Хартии, предлагаемого ведущими европейскими экспертами в области языковых прав (Ср.: *Grin* 2003). В Хартии, в отличие от многих документов ОБСЕ и Рамочной Конвенции по защите прав меньшинств, не используются понятия “меньшинство”, или “национальное меньшинство”, а термины “региональные языки” и “языки меньшинств” рассматриваются как равнозначные, образуя единое понятие “региональные языки или языки меньшинств”, используемое во всем тексте Хартии для обозначения основного объекта защиты. Существенными в рамках Хартии понятиями, разграничение между которыми предстоит освоить российским юристам и чиновникам, являются термины — *региональные языки* (альтернативно именуемые в некоторых государствах как языки меньшинств) и *языки нетерриториальные* (определения приводятся в Ст. 1 Хартии).

Для практиков же важнейшими различиями станут не дефиниции этих понятий в Хартии, а перечень языков в ратификационном докладе России, в котором государство берет на себя обязательства защищать одни языки набором норм, указанных в Части III, а другие языки — в Части II Хартии. Разграничение между *языками Части II* и *языками Части III* и станет важнейшим практическим ориентиром (инструментальной классификацией) для конкретного языкового планирования в рамках имплементации Хартии в России. Для тех, кто мало знаком с нормами Хартии стоит также добавить, что Хартия направлена на защиту языков, *традиционно используемых на территории государств* (они также именуются автохтонными или коренными), а не диалектов официальных языков и не языков, на которых говорят недавние мигранты. Таким образом, из под защиты Хартии выводится большинство языковых сообществ, языки которых не могут быть отнесены к языкам России, несмотря на то обстоятельство, что значительная их часть преподается в российских школах как предмет, либо на них ведется преподавание.

Тем не менее, этот вопрос носит дискуссионный характер и для перспектив ратификации Хартии имеет огромное значение. Целый ряд языков используется группами населения, которые вполне могут считаться автохтонными жителями Российской Федерации и которые численно относятся к ка-

тегории наиболее крупных “народов” или “меньшинств”. Это украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, грузины, казахи, латыши, туркмены, таджики, киргизы, узбеки, проживающие в России, главным образом, дисперсно или в небольших городских и сельских анклавах. Ростовские армяне, ставропольские туркмены, оренбургские казахи, сибирские немцы, поляки и латыши, московские грузины, не говоря уже об украинцах и белорусах, проживают на территории России уже несколько веков. В последние два десятилетия эти группы пополнились новыми мигрантами, которые в ряде случаев сегодня составляют значительную часть и даже большинство данных сообществ (азербайджанцы, армяне, грузины, таджики, киргизы, узбеки, молдаване). Среди всех перечисленных групп не просто сохраняются, но являются основными языками знания и даже общения (особенно домашнего) их национальные языки, потребность в которых будет не уменьшаться, а, наоборот, по нашим оценкам, – возрастать. Но дело в том, что представители всех этих групп имеют “этнически родственные государства” (страны бывшего СССР, а также Германия и Польша), где соответствующие языки имеют государственный статус. По нынешней европейской практике эти языки подпадают под защиту Хартии и более того, казалось бы, такую защиту для России исполнять легче по причине развитых языковых систем и языковой политики в других государствах.

Однако есть несколько вопросов, на которые необходимо ответить в ходе принятия решения о возможности ратификации Хартии. Первое – это реальные языковые запросы граждан той или иной национальности. Украинцы больших городов, районов Сибири и Дальнего Востока, которые они осваивали вместе с русскими в XVIII–XIX вв., в языковом отношении фактически перешли на русский язык. Это же касается старожильской части московских армян, грузин, белорусов и практически всех российских немцев. В какой степени должен уважаться языковой выбор этой части российских граждан в пользу русского языка, и не станет ли данный вопрос средством политического торга между странами или косвенного принуждения личности в выборе языка. Ясно, например, что паритета между степенью поддержки и защиты русского языка в Украине и украинского в России достичь невозможно по причине гораздо меньшей степени языковой ассимиляции русских Украины по сравнению с украинцами в России. Как в таком случае избежать риска политического давления по формальным признакам и в противовес личностным стратегиям граждан, которые повсеместно, пребывая в сложной

языковой среде, делают выбор не только в пользу государственного языка, но и языка, обладающего мировым статусом. Добровольная языковая ассимиляция в России в пользу русского языка при всех прочих равных условиях будет более предпочтительной, чем в пользу другого языка, не имеющего статуса мирового.

Есть еще один вопрос, требующий обсуждения и адекватного ответа. Как быть с двух–трехъязычной языковой иерархией на уровне региональных и местных сообществ, — проблема, которая Хартией никак не затрагивается, ибо в Европе она почти не существует или не замечается? В России, как и в шести провинциях Испании, в большинстве республик существуют региональные или языки меньшинств, которые обладают официальным статусом. Таких языков около 40 (только в Республике Дагестан таких языков 14). Фактически все эти языки за последние два десятилетия отыграли свои некогда сильно утраченные позиции, и ни одному из них не угрожает исчезновение. На всех этих языках есть школьное (хотя бы начальное) обучение и им обучают в высшей школе, а также готовят школьных учителей данного языка. Некоторые наиболее сильные языки (татарский, осетинский, аварский, кабардинский, чувашский, чеченский, башкирский, якутский и др.) имеют языковые отделения в вузах с обучением на этих языках. Можно ли этот вариант считать идеальной нормой, к которой следует стремиться в отношении других нерусских языков? Учитывая, что носители вышеназванных языков фактически владеют и русским языком, а также некоторыми другими языками российских национальностей, такая ситуация почти тотального двуязычия и даже трехязычия представляется вполне желательной и вписывается в требования Хартии. Примерно такая же установка на всеобщее дву- и трехязычие преобладает и в Испании, где все знают кастильский язык, большинство жителей — один из региональных (каталанский, галисийский, баскский, наваррский) и идет всеобщее обучение английскому языку. Проблема в России состоит в том, что обеспечение всеобщего двуязычия для столь многоязычной страны может быть нереализуемой, но дорогостоящей утопией. В Дагестане необходим русский язык как лингва франка и этому языку необходимо обучать, поскольку уровень владения русским в последние годы снижается и это отрицательно сказывается на жизненных перспективах молодого поколения дагестанцев. Есть также проблема сохранения и защиты еще примерно двух десятков малых дагестанских языков, которые являются младописьменными, но со стороны федеральных и республиканских властей почти никакой поддерж-

ки не получающие. Даже сам факт наличия таковых этноязыковых сообществ официально не признается властями Дагестана. Какие в условиях федеративного устройства здесь возможны меры контроля и воздействия?

Наконец, ратификация Хартии не должна стать поводом для игнорирования или искажения тех позитивных практик, которые были накоплены в области языкового строительства в СССР и которые есть в современной России. Поддержка языкового разнообразия возможна только в стабильном и развивающемся обществе, где есть необходимая гражданская солидарность и материальные ресурсы, которые налогоплательщики страны готовы направить на языковую политику, в научные, образовательные и информационные институты. В Испании центральное правительство почти не расходует материальные ресурсы на обеспечение Хартии: это, прежде всего, дело таких провинций, как Каталония, Страна Басков, Наварра, Галисия. Первые две провинции — самые развитые и самые богатые в Испании. В России самые многоязычные территории, такие, как, например, Дагестан, относятся к дотационным регионам. Материальными ресурсами для исполнения требований Хартии в настоящее время располагают, возможно, только Татарстан и Башкирия, а также некоторые северные автономные округа. Проблема регионального неравенства и требований Хартии по защите языков в России трудно согласуются. Эта проблема должна обсуждаться и решаться на уровне всего российского общества.

Это только некоторые из наиболее важных методологических и практических проблем, которые встают перед экспертами и управленцами, поставившими перед собой задачу изучить и предложить пути возможной ратификации Хартии. В России с июня 2009 г. стартовала совместная программа Совета Европы и Европейской Комиссии при сотрудничестве с Министерством регионального развития Российской Федерации “Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества”. Одна из ее основных целей — “предоставление помощи различным органам власти, которые будут участвовать ... в ратификации и выполнении Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, а также повышение информированности о Хартии, в том числе в гражданском обществе”(СП 2009). В качестве регионов, где будут осуществляться основные пилотные проекты (включая моделирование применения Хартии), были выбраны Алтайский край, Дагестан и Мордовия (отдельные мероприятия проводятся также в Красноярском крае и Карелии). В рамках программы состоялось несколько

международных рабочих встреч экспертов и семинаров, в которых принимали участие авторы публикуемых ниже статей, что и позволило им точнее сформулировать проблемы, с которыми могут столкнуться российские власти при имплементации норм Хартии. Обсуждению этих проблем и посвящена каждая из публикуемых ниже статей.

В статье С.В. Соколовского основное внимание уделяется проблемным областям имплементации Хартии в России, выявленным на основе анализа европейского опыта внедрения норм Хартии и особенностей российской ситуации. В.В. Степанов сравнивает действующие нормы российского законодательства с нормами Хартии, обнаруживая высокую степень их взаимного соответствия, а также характеризует степень распространения различных языков и формулирует основные направления языковой поддержки. О.Н. Подлесных анализирует важнейший источник сведений о распространении языков на территории страны — переписи населения и их языковые программы, оценивает степень надежности переписных данных, а также рассматривает языковую ситуацию в одном из наиболее сложных в отношении языкового состава регионе — Поволжье. Д.А. Функ характеризует языковые ситуации в наиболее уязвимой в языковом отношении группе тюркоязычных малочисленных народов Южной Сибири. На материалах полевого этнолингвистического исследования Н. Мамонтова рассматривает языковую ситуацию у эвенков Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ О.О. Миронов приводит пример Венгрии, которой при значительно меньшем объеме обязательств потребовалось более пяти лет подготовительной работы, и Великобритании, в которой “дискуссия о необходимости быть частью Европы началась в конце сороковых годов прошлого века и не за-

вершилась по сей день — после проведения нескольких референдумов” (Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации “О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы” 20.05.2002).

Источники и литература:

- Миронов* 2002 — *Миронов О.О.* Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации “О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы” 20.05.2002 (http://sutvainik.ru/rus/echr/history/spec_dokl.htm)
- Распоряжение 2001 — Распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-рп.
- Резолюция 2002 — Резолюция Парламентской Ассамблеи 1277 (2002)1 “Выполнение Российской Федерацией своих обязательств”.
- Резолюция 2005 — Резолюция Парламентской Ассамблеи 1455 (2005) “О выполнении обязанностей и обязательств Российской Федерацией”.
- СП 2009 — Совместная программа “Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества” (<http://www.coe.ru/>).
- Grin* 2003 — *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave MacMillan, 2003.
- Opinion 1996 — Opinion № 193 (1996) on Russia's request for membership of the Council of Europe (<http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta96/EOP193.htm>).

В.В. Степанов

Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации

Ключевые слова: языковая политика, этническая политика, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств

Цель статьи — рассмотрение некоторых существенных моментов, связанных с положением языков в Российской Федерации, ввиду возможной ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., в стране функционирует свыше 150 языков. На русском языке, обладающем статусом государственного на всей территории страны, говорит 98,2% населения. Кроме того, 23% владеют 38 языками. Остальные 114 языков распространены среди 1% населения. Большинство языков массового владения обладает статусом республиканских государственных языков в пределах отдельных субъектов Российской Федерации и имеет преференции в сфере бюджетных затрат на поддержку и развитие. Таким образом, наблюдается, с одной стороны — языковое единство в России и языковое доминирование русского языка, с другой — большое языковое и культурное разнообразие. Это с неизбежностью приводит к недостаточно развитому правовому статусу недоминирующих языков. Языковая пестрота ситуаций, в частности, в российской части Кавказа и некоторых регионах Сибири и Поволжья, создает условия, при которых русский язык оказывается в ущемляемом положении.

Возможности совершенствования российского законодательства о языках могут быть расширены за счет активного приобщения к международным принципам и нормам, в частности, к опыту Совета Европы. Однако адаптация и имплементация новых норм должны учитывать существующие подходы в Российской Федерации, сложившуюся практику управления и реальную культурно-языковую ситуацию. Прежде всего, следует учитывать, что в России в рамках внутренней политики не принято использовать такие понятия, как “национальные” или “этнические меньшинства”, что затрудняет составление согласованного перечня меньшинств, чье языковое и культурное положение подлежало бы защите на всей территории страны. Вместе с тем при условии гибкого понимания “уязвимости” в части пользования, изучения и развития какого бы то ни было языка европейские подходы вполне применимы в российской внутренней политике.

Законодательный аспект проблемы защиты культурного разнообразия

Международными ориентирами в области прав человека и национальных меньшинств для России являются Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Декларация ООН “О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам” (1992), Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995). Особое значение для России имеют также Рекомендация Комитета министров Совета Европы “О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах” (2005), а из документов Содружества независимых государств (СНГ), имеющих отношение к защите прав меньшинств — “Модельный закон о языках” (2004). Тем не менее, непосредственно ориентированные на защиту прав меньшинств нормативные правовые акты в Российской Федерации до настоящего времени немногочисленны.

Важнейшие среди них — Конституция Российской Федерации, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и Протоколы № 1 (1952), № 4 (1963), № 7 (1984), федеральные законы “О национально-культурной автономии” (1996), “О библиотечном деле” (1994), указ Президента РФ “Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств” (2005). Зафиксированная Конституцией приверженность соблюдению принципов и норм международного права обязывает законодательные органы Российской Федерации и законодательные органы субъектов Российской Федерации к соблюдению этих норм и принципов, их развитию и совершенствованию. Новые правовые стандарты должны ориентироваться на защиту культурных ценностей и языковых прав групп и категорий населения.

Россия — член ООН, Совета Европы, ОБСЕ, Международной организации труда (МОТ), ЮНЕСКО, Совета государств Балтийского моря (СГБМ) и сотрудничает с ними в вопросах защиты национальных меньшинств. Следует принять во внимание, что Российская Федерация подписала и ратифицировала международные конвенции, имеющие отношение к защите национальных меньшинств. Это не только Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), но также Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенция о пресе-

чении преступления апартеида и наказания за него (1973), Конвенция о правах ребенка (1989), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (1995), Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001). В силу этих обстоятельств Российская Федерация в своей внутренней политике следует подходам и рекомендациям, выработанным в упомянутых организациях.

Вместе с тем в России практически не учитываются рекомендации, разработанные экспертами ОБСЕ в рамках деятельности комиссара по правам меньшинств, в частности Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998), Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999). Следует отметить, что в целях успешной имплементации Хартии региональных языков российским законодателям следует отнестись с наибольшим вниманием к общеевропейским стандартам в данной области. Имплементация Европейской Хартии региональных языков могла бы быть эффективной, если бы в российское законодательство были введены отдельные понятия этой Хартии и учитывались бы некоторые ее нормы, отвечающие потребностям Российской Федерации и не противоречащие ее законам.

Дальнейшее развитие законодательной базы Российской Федерации в деле защиты языков меньшинств и региональных языков должно преодолеть доминирующие до настоящего времени в общественном и политическом дискурсе представления об “этнической правосубъектности”, элементы которой присутствовали в прежних проектах Концепции государственной национальной политики. Наделение особыми правами некоторых языков не должно означать, что таким образом создаются преференции внутри государства для некоторых “народов” или “национальных меньшинств”, а также любых других сообществ, объединяющихся на основе языковой или культурной идентификации. Тем не менее, законодательство должно предусматривать, что в качестве субъектов правовых отношений могут выступать представительные органы или организации, ориентированные на защиту и развитие тех или иных языков. Фактически это уже осуществляется. Вырос интерес к самобытным культурам, особенно к культурам малочисленных народов. Проводится большое количество фестивалей этнокультурной направленности, традиционных праздников, возникают самодеятельные музеи, восстанавливаются памятники, публикуются литературные и периодические издания, действуют

радио- и телевещательные программы на языках народов Российской Федерации. Данное направление государственной политики способствует улучшению ситуации с языковыми правами.

Основная тенденция современной политики Российской Федерации в области этнокультурного развития и защиты языкового разнообразия состоит в повышении роли просветительской и образовательной работы, и в этом направлении все более активна деятельность структур гражданского общества. Решающая роль в модернизации этнокультурной политики принадлежит федеральному закону “О национально-культурной автономии” (НКА). При правительстве Российской Федерации был создан Консультативный совет по делам национально-культурных автономий. Уже через несколько лет после принятия закона об НКА в стране действовало свыше 900 этнокультурных объединений, в том числе 14 федеральных национально-культурных автономий, более 100 региональных и более 200 национально-культурных автономий местного уровня. Федеральным законом “О национально-культурной автономии” воспользовались представители более 30 национальностей (этнических групп).

Особое направление государственной политики — поддержка культур, языков и защита прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. С этой целью были приняты федеральные законы “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (1999), “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2000), “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2001). Законы и программы по поддержке коренных малочисленных народов Севера приняты и действуют во многих регионах Российской Федерации.

В федеральном законе “О национально-культурной автономии” (в редакции от 10.11.2003 № 136-ФЗ) дается понятие о группах, находящихся в ситуации национального меньшинства: “Национально-культурная автономия в Российской Федерации ... — это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, нацио-

нальной культуры”. Таким образом, миноритарная защита, в том числе и защита миноритарных языков, потенциально может быть ориентирована в Российской Федерации на любую категорию населения, если к тому имеются необходимые предпосылки.

Миноритарная защита включает в себя самостоятельные институты и области деятельности:

- “этнический федерализм”, суть которого заключается в наличии территориальных автономий с титульными нациями и официальными языками;
- федеральные и региональные гарантии особого статуса коренных малочисленных народов;
- право на экстерриториальную национально-культурную автономию;
- федеральные и региональные инициативы в сфере поддержки и развития негосударственных языков (в рамках целевых программ и иных организационных форм);
- государственный статистический учет этнического и языкового разнообразия населения;
- формы общественной защиты национальных меньшинств и языков меньшинств через структуры гражданского общества;
- поиск новых правовых форм государственной защиты через совместную деятельность государства и научного экспертного сообщества.

Порядок и организационные формы учета интересов языковых сообществ в значительной мере определяются сложившейся в России системой федеративного устройства. Согласно ей, государственный протекционизм осуществляется прежде всего в отношении статусных языков, т. е. языков, определенных на региональном (республиканском) уровне как государственные (официальные), или языков титульного населения (хотя термин “титульное население” не применяется), а также языков коренных малочисленных народов.

В настоящее время в 11 (из 21) республиках в составе Российской Федерации титульное население составляет численное меньшинство, причем во многих случаях его доля не превышает треть жителей (Табл. 1). Каждая из республик имеет собственную конституцию и преференции, прежде всего языковые, в пользу титульной национальности. И в этом смысле языковые права титульных национальностей в России надежно защищены.

Таблица 1

Республики с титульными национальностями, составляющими численное меньшинство среди местного населения

Республика	Титульная группа	Доля в населении, %
Карелия	карелы	9,2
Хакасия	хакасы	12,0
Адыгея	адыгейцы	24,2
Коми	коми	25,2
Бурятия	буряты	27,8
Удмуртия	удмурты	29,3
Башкортостан	башкиры	29,8
Алтай	алтайцы	30,6
Мордовия	мордва	31,9
Марий Эл	марийцы	42,9
Саха (Якутия)	якуты	45,5

Провозглашая принцип этнического и языкового равенства, законодательство некоторых субъектов Российской Федерации, согласно сложившейся практике, уделяет приоритетное внимание “титульным” группам населения, а также коренным (автохтонным) этническим сообществам или группам, проживающим на данной территории длительный исторический срок. В республиках Удмуртии, Татарстане, Мордовии, Башкирии действуют нормативные правовые акты и межреспубликанские соглашения, направленные на поддержку культурного развития и языков титульных групп, которые проживают за пределами соответствующих автономий. Например, Республика Мордовия обязуется поддерживать на своей территории культуру и язык татарского меньшинства (5% населения), а Республика Татарстан – культуру и язык мордовского меньшинства (0,6%). В Республике Удмуртия на положении меньшинства, чью культуру необходимо сохранять, признана малочисленная группа бесермян (3 тыс. чел.), но, например, в Республике Коми за аналогичный статус борются коми-ижемцы (12,7 тыс.). В ряде случаев таким группам предоставляются территории с чертами автономии местного значения: Вепсская национальная волость в Республике Карелия (упразднена), Эвено-Бытантай в Республике Саха (Якутия).

тайский р-н в Якутии, Немецкий Азовский р-н в Омской обл., Ногайский и Абазинский национальные р-ны в Карачаево-Черкесской Республике. Существуют также национально-административные единицы муниципального уровня. Во всех этих и других случаях предприняты на законодательном уровне усилия по защите соответствующих языков.

Право на национально-культурную автономию

В условиях России важную роль в защите языков играет специальный правовой инструмент — национально-культурная автономия. Большинство федеральных систем в Европе не предусматривает защиту так называемых новых меньшинств, возникших в результате современных миграций. В этом отношении российский опыт выгодно отличается тем, что действующие в отдельных регионах с 1991 г., а по всей Российской Федерации — с 1995 г. нормы предусматривают реализацию права любого дисперсного этнического сообщества на экстерриториальную автономию, что, прежде всего, предусматривает реализацию языковых прав. Этот правовой институт предназначен для защиты этнокультурных и языковых интересов любых групп, обладающих культурно-языковой спецификой.

С 1993 по 1996 гг. около 10 регионов издали нормативные правовые акты, которые содержали нормы о национально-культурной автономии. Положения этих документов легли затем в основу федеральных норм. В сентябре 1994 г. российское правительство внесло на рассмотрение Государственной думы первый вариант проекта федерального закона “О национально-культурной автономии”; через два года закон был принят. Затем последовало принятие соответствующих нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации. На сегодняшний день федеральное законодательство включает около двух десятков нормативно-правовых документов, касающихся автономии, главные из которых — федеральные законы “О национально-культурной автономии” (1996), “Об общественных объединениях” (1995), “О некоммерческих организациях” (1996), “О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств” (1998). У закона “О национально-культурной автономии” есть недостатки. Во-первых, культурная автономия не позволяет этническим сообществам равноправно с титульными группами участвовать в государственном управлении, что автоматически уменьшает возможности развития соответствующих языков. Во-вторых, сама система национально-культурной автономии в том виде, как она представлена в российском законодательстве, имеет существенные противоречия. Руководство российских

республик настаивают на том, что национально-культурная автономия — вспомогательная форма развития гражданского общества. “...Именно национально-государственные образования выступают в качестве основных гарантов сохранения и развития культурно-языковой целостности наиболее многочисленных российских народов. А экстерриториальная национально-культурная автономия... является лишь дополнительным, вспомогательным средством решения национальных проблем” (Постановление РБ). Иная точка зрения у властей административных субъектов федерации; они, как правило, рассматривают НКА в качестве приоритетной формы этнической политики. Такая позиция особенно характерна для сложносоставных субъектов федерации, в подчинении которых находятся “национальные” регионы. В правовом документе Тюменской области читаем: “Становление современного гражданского общества предполагает перенос акцента в сфере национальной политики с национально-территориального на национально-культурный принцип организации общественной жизни, позволяющий всем народам, принадлежащим к национальным меньшинствам, ... получить самые широкие возможности для сохранения и развития своей самобытности... в рамках экстерриториальной культурно-национальной автономии” (Концепция ТО).

Точка зрения федерального центра по этому поводу четко не определена. До середины 1990-х гг. в период наибольшей самостоятельности регионов, согласие Центра по поводу укрепления именно национально-административной системы было очевидным, поскольку в то время возобладала, вразрез с российской Конституцией, система договорных отношений с регионами. Не случайно во второй половине десятилетия появились нормативно-правовые акты, определившие статус НКА в качестве второстепенной формы этнического развития. Более того, фокус регулирования этнических отношений посредством нового правового инструмента был намеренно смещен в культурную сферу. Тем самым законодательно закрепились диспропорция, установившаяся с советских времен, согласно которой, только представители “титовых национальностей” (т. е. “обладающие своими национально-административными территориями”) вправе удовлетворять свои национальные (этнокультурные) потребности во всех сферах — политической, экономической, культурной. В то же время нетитульные этнические категории могут рассчитывать только на удовлетворение культурных прав, что приводит к сокращению внимания со стороны государства к языкам таких сообществ.

По мере изменения общественно-политических условий закон о национально-культурной автономии неоднократно подвергался коррекции, но и в настоящее время его положения требуют совершенствования. Особое внимание следует уделить подходу, согласно которому национально-культурная автономия рассматривается не только как форма самоорганизации населения, но и как инструмент реализации прав на этнокультурное развитие, а также сохранение и развитие недоминирующих языков. Такие поправки становятся особенно актуальными в свете возможной имплементации Хартии региональных языков.

Правовой статус языков Российской Федерации

Конституция Российской Федерации устанавливает статус языков, функционирующих на территории Российской Федерации: государственный язык РФ, республиканские государственные языки, родные языки. Государственным языком страны на всей ее территории является русский (ст. 68, п. 1). Русский язык в многонациональной (многоэтничной) России выступает как основное средство массовой коммуникации в персональном и общественном развитии. Владение русским языком обеспечивает гражданину, вне зависимости от его этнической идентичности, на всей территории России социальную адаптированность и профессиональную конкурентоспособность, предоставляет возможности получения высшего образования и приобщения к общероссийским и мировым культурным ценностям.

Вместе с тем в законах, принятых в большинстве республик, русский язык определяется не как язык государства — Российской Федерации, а как государственный язык республики, занимая при этом вторую по значимости позицию. Так, в законе Татарстана “О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан” правовое положение языков определяется в ст. 3: “государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки”. Аналогичные формулировки содержатся в законах республик Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия и др. Русский язык в республиканских законах не рассматривается в своем самостоятельном федеральном статусе и в таком толковании имеет статус республиканского государственного языка, имеющего вспомогательные функции.

Конституция Российской Федерации признает за республиками право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных уч-

реждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68, п. 2). Однако это не означает равноправия статуса государственных языков федерального и республиканского уровней. Федеральный закон “О языках народов Российской Федерации” закрепляет только функциональное равноправие языков народов РФ в статусе родных языков, без подмены статуса государственного языка или исключения функций русского языка.

Государственный язык субъекта федерации — государственный язык республики в составе РФ

Статусом государственных языков в республиках наделены 25 языков в 19 республиках. Их статус закреплен Конституцией страны, конституциями республик в составе РФ и республиканскими законами о языках. Кроме того, в Республике Карелия не имеют статуса государственного, но пользуются аналогичными преференциями (программа поддержки и развития) языки карельский, вепсский, финский. В Республике Дагестан та же ситуация в отношении 14 наиболее крупных по количеству носителей языков. Республиканские законы закрепляют равноправное положение и равноправное функционирование государственных языков (включая русский) на всей территории субъекта Российской Федерации. Республиканские законы уравнивают количество часов на преподавание русского языка и республиканского государственного языка, предполагая их функциональное равноправие.

Конституция гарантирует также всем народам право на сохранение родного, в том числе и русского, языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68, п. “з”). При этом конституционные основы правового статуса личности включают равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе национальности, языка и места жительства (ст. 19, п. 2). Кроме того, указаны права на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26, п. 2).

Как видно, вопросы, касающиеся правового статуса государственных языков республик, затрагивают конституционные права как граждан — носителей соответствующего государственного языка республики, в том числе проживающих в Российской Федерации за пределами данной республики, так и граждан, проживающих в ней и не владеющих этим языком. Это в первую очередь конституционные права граждан в области общения, воспитания, обучения, творчества, изучения и развития родных языков, а также в сфере культуры, включая право на доступ к культурным ценностям (ст. 44, п. 2).

Для снятия возможных противоречий Конституция РФ определяет предметы ведения федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, за пределами которого субъекты федерации осуществляют собственное правовое регулирование. К ведению Российской Федерации Конституция относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а значит, прав в языковой и образовательной сферах и установление основ федеральной политики в области культурного и национального развития Российской Федерации, составной частью которой являются государственная языковая и образовательная политика (ст. 71, п. “в”, “е”), а защиту прав и свобод человека и гражданина и общие вопросы образования, культуры и языка как ее компоненты – к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72, п. “б”, “е”).

Таким образом, по смыслу указанных положений Конституции федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов страны, включая общие вопросы языковой политики, в том числе относящиеся к статусу государственных языков республик в его соотношении со статусом государственного языка РФ. Статус государственных языков республик как затрагивающий статус государственного языка РФ, права и свободы ее граждан в сфере образования и культуры не может быть предметом исключительного ведения субъектов. В реальной практике все вопросы, связанные с правовым регулированием языков народов РФ, статуса государственных языков республик, отданы в компетенцию субъекта.

С введением в 1992 г. закона РФ “Об образовании”, гарантировавшего всем гражданам страны право на получение основного общего образования на родном языке, а также выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (ст. 6, п. 2), роль родных языков в общеобразовательном процессе заметно возросла. В субъектах РФ понимание термина “родной язык”, как правило, толкуется как родной нерусский язык, вне зависимости от того, обладает ли он статусом государственного языка в данном субъекте. Таким образом, право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством.

Языковая ситуация в Российской Федерации

Единственным официальным источником статистических данных о распространении языков в РФ являются переписи населения. Группировка языков по количеству носителей представлена в Табл. 2. Среди языков есть такие, владение которыми указали миллионы человек, но есть и те, которыми вла-

деют только тысячи, сотни или даже десятки человек. В последнем случае — это ботлихский, уйльта, багулальский, ногайско-карагашский, алыторский, юртовско-татарский, керекский, алабугатско-татарский, барабинский (см. Табл. 2 в *Приложении*).

Таблица 2

Группировка языков Российской Федерации по количеству носителей, 2002 г.

Число носителей языка, чел.	Число языков, единицы	Доля населения, указавшего на владение соответствующими языками, %
142,6 млн. (русский язык)	—	98,21
1 млн. и более	7	14,50
0,9–0,5 млн.	8	3,67
0,1–0,4 млн.	23	4,40
90–50 тыс.	12	0,54
40–10 тыс.	21	0,42
9–1 тыс.	40	0,14
Менее 1 тыс.	41	0,01

Если не учитывать массового знания иностранных языков, изучаемых в школах и вузах (в России это английский, французский и некоторые другие языки Западной Европы), следует указать на закономерную тенденцию наибольшего распространения тех языков, которыми в обиходе пользуются самые многочисленные в стране национальности. Более всего в стране людей, говорящих на татарском (5,3 млн.) и башкирском (1,4 млн.) языках. Причем полученные переписью данные о численности носителей этих языков представляются заниженными. Различия между обоими языками незначительны, а статистическое соотношение тех, кто знает татарский и башкирский языки отражает в большей мере политические аспекты, нежели действительную лингвистическую ситуацию. Многие башкиры и татары могли бы указать во время переписи на владение обоими языками. Однако переписью зафиксировано, что менее трети башкир владеет татарским языком (31,3%), а доля татар со знанием башкирского — намного меньше (2,5%).

Закономерным является в России знание украинского языка, о владении которым в переписи заявило 1,8 млн. чел. Далее по количеству носителей следуют языки чеченский, чувашский, армянский, аварский. Вместе с тем численность знающих украинский язык заметно ниже тех, кто назвался в ходе переписи украинцем: последних на треть больше, нежели первых. Это явле-

ние характерно и для других языков: меньше примерно на четверть тех, кто владеет удмуртским языком, нежели назвавших себя удмуртами; меньше владеющих мордовскими языками по сравнению с теми, кто причисляет себя к мордве. Аналогичным образом (примерно на 20%) меньше людей заявило о том, что знает чувашский, башкирский, армянский. В то же время невелики расхождения при самооценке населением владения языками даргинским, чеченским, аварским, татарским.

Некоторые языки распространены шире, если сравнивать с количеством лиц соответствующей национальности. Это, в частности, характерно для кумыкского языка (владение которым, помимо кумыков, указали аварцы, даргинцы, чеченцы, русские, татары); азербайджанского языка (кроме азербайджанцев им владеет часть армян, русских, лезгин); якутского языка (наряду с якутами – русские, буряты и др.).

Состояние нерусских языков в России – чрезвычайно важная информация с точки зрения имплементации международных норм. Но переписи населения при существующей методике учета дают не вполне достоверную информацию. Крупные народы России, по данным переписей, имеют высокий уровень владения своими языками. Однако сюда приплюсованы данные о владении родным языком без его реального знания. Цифры о реальном знании и тем более об использовании языков в действительности могут быть ниже. По этнографическим наблюдениям, в России не может быть столь высоким знание армянского среди российских армян (перепись показала 73,2%) и соответствующих языков среди башкир (71,3%), бурят (79,3%), татар (80,8%), а также у всех финно-угорских народов.

На основе изложенного можно утверждать, что совершенствование защиты языковых прав и поддержки языкового многообразия в Российской Федерации должно развиваться по нескольким приоритетным направлениям. В числе важнейших из них можно назвать следующие:

- право на этнокультурное развитие, включающее языковое развитие, должно стать неотъемлемым правом населения регионов Российской Федерации (многие республики, однако, не обладают достаточными материально-финансовыми ресурсами, что препятствует реализации данного права);
- следует улучшить и качество языковой статистики; во время переписей населения необходимо учитывать не только владение языками, но и реальное распространение языков (их использование в различных коммуникативных сферах); необходимо разработать государственную программу ста-

тистического учета языков, включая усовершенствование учета, осуществляемого государственными министерствами для собственных нужд;

- необходимо предусмотреть дальнейшее совершенствование федерального закона о национально-культурной автономии, в котором институт НКА должен рассматриваться как право всех граждан на этнокультурное развитие и поддержку родного языка;
- вопрос о ратификации Хартии региональных языков в наименьшей степени является для России проблемой правовой, т. к. многие нормы российского законодательства соответствуют духу и направленности Хартии; необходимо рассмотреть все основные категории последствий имплементации: возможные правовые коллизии, общественно-политические последствия, возможные проблемы в сфере прав человека и гражданских прав. Следует внести разъяснения по поводу затрат на имплементацию и периодичности отчетов.

Поскольку российское законодательство обнаруживает высокую степень готовности к восприятию положений Хартии, ее восприятие может быть осуществлено посредством уточнения уже действующих в России правовых норм. На начальном этапе имплементация положений Хартии должна выражаться в проработке законодательных и нормативных механизмов реализации языковых прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Таким образом, интеграция российского законодательства с европейскими нормами, применяемыми в Хартии, обретет хорошую перспективу.

Источники:

Концепция ТО — Концепция национальной политики в Тюменской области на период 1999–2005 годов, утверждена постановлением Администрации Тюменской обл. от 6 ноября 1998 г. № 185.

Постановление РБ — Постановление Кабинета министров Республики Башкортостан “О государственной программе ‘Народы Башкортостана’ на 2003–2012 годы” от 31 декабря 2002 г. № 388.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Население Российской Федерации по владению языками,
по данным на 2002 г.**

Опрашиваемые указали, что владеют языком:	Численность, чел.	Доля населения, %
русским	42 573 285	98,2
английским	6 955 315	4,8
татарским	5 347 706	3,7
немецким	2 895 147	2,0
украинским	1 815 210	1,3
башкирским	1 379 727	1,0
чеченским	1 331 844	0,9
чувашским	1 325 382	0,9
армянским	904 892	0,6
аварским	784 840	0,5
французским	705 217	0,5
азербайджанским	669 757	0,5
мордовским, мокша-мордовским, эрзя-мордовским	614 260	0,4
кабардино-черкесским	587 547	0,4
казахским	563 749	0,4
даргинским	503 523	0,3
осетинским	493 610	0,3
удмуртским	463 837	0,3
кумыкским	458 121	0,3
якутским	456 288	0,3
лугово-восточным марийским (марийским)	451 033	0,3
ингушским	405 343	0,3
лезгинским	397 310	0,3
бурятским	368 807	0,3
белорусским	316 890	0,2
карачаево-балкарским	302 748	0,2
грузинским	286 285	0,2
тувинским	242 754	0,2
узбекским	238 831	0,2
коми	217 316	0,1
цыганским	166 514	0,1

Опрашиваемые указали, что владеют языком:	Численность, чел.	Доля населения, %
турецким	161 319	0,1
калмыцким	153 602	0,1
лакским	153 373	0,1
молдавским	147 035	0,1
таджикским	131 530	0,1
адыгейским	129 419	0,1
табасаранским	128 391	0,1
испанским	111 900	0,1
коми-пермяцким	94 328	0,1
польским	94 038	0,1
ногайским	90 020	0,1
алтайским	65 534	0,05
корейским	60 088	0,04
китайским	59 235	0,04
греческим	56 473	0,04
итальянским	54 172	0,04
карельским	52 880	0,04
хакасским	52 217	0,04
финским	51 891	0,04
арабским	50 140	0,03
литовским	49 020	0,03
киргизским	46 319	0,03
туркменским	38 533	0,03
абазинским	38 247	0,03
горномарийским	36 822	0,03
курдским	36 609	0,03
латышским	34 759	0,02
ненецким	31 311	0,02
болгарским	30 894	0,02
иврит, идиш	30 019	0,02
агульским	29 399	0,02
рутульским	29 383	0,02
эстонским	26 645	0,02
вьетнамским	26 197	0,02
японским	24 787	0,02
андийским	23 729	0,02
румынским	22 663	0,02

Опрашиваемые указали, что владеют языком:	Численность, чел.	Доля населения, %
цезским	15 356	0,01
хантыйским	13 568	0,01
чешским	13 242	0,01
монгольским	11 498	0,01
цахурским	9771	0,01
венгерским	9712	0,01
сербскохорватским	9674	0,01
персидским	9568	0,01
португальским	9531	0,01
абхазским	9447	0,01
афганским	8580	0,01
ассирийским	7762	0,01
чукотским	7742	0,01
гагаузским	7597	0,01
эвенкийским	7584	0,01
эвенским	7168	0,005
шведским	7113	0,005
каратинским	6574	0,005
бежтинским	6461	0,004
шорским	6210	0,004
хинди	5853	0,004
ахвахским	5793	0,004
вепским	5753	0,004
талышским	5310	0,004
долганским	4865	0,003
нанайским	3886	0,003
албанским	3220	0,002
коряжским	3019	0,002
татским	3016	0,002
удинским	2960	0,002
мансийским	2746	0,002
голландским	2599	0,002
мегрельским	2590	0,002
чамалинским	2355	0,002
словацким	2169	0,001
уйгурским	1932	0,001
телеутским	1892	0,001

Опрашиваемые указали, что владеют языком:	Численность, чел.	Доля населения, %
хваршинским	1872	0,001
гунзибским	1839	0,001
селькупским	1641	0,001
каракалпакским	1561	0,001
дунганским	1088	0,001
крымскотатарским	1069	0,001
кумандинским	1044	0,001
саамским	787	0,001
водским	774	0,001
ульчским	732	0,001
бенгали	696	
нивхским	688	
тиндальским	616	
юкагирским	604	
гинухским	548	
челканским	539	
арчинским	524	
нганасанским	505	
кетским	485	
рушанским	441	
тубаларским	436	
инуитским, сиреникским, юитским	410	
ительменским	385	
тофаларским	378	
ижорским	362	
белуджским	345	
чулымско-тюркским	270	
орочским	257	
удэгейским	227	
алеутским	175	
сванским	153	
негидальским	147	
югским	131	
энецким	119	
годоберинским	103	
ботлихским	90	
караимским	88	

Опрашиваемые указали, что владеют языком:	Численность, чел.	Доля населения, %
ульта	64	
лазским	62	
багулальским	57	
астраханских ногайцев-карагашей	55	
шугнанским	52	
алюторским	40	
крымчакским	29	
юртовских татар	22	
керекским	15	
алабугатских татар	10	
барабинским	8	
другими языками	107 715	0,07

Таблица 2

**Государственные языки республик Российской Федерации,
помимо русского языка**

Регионы Российской Федерации	Наименование государственных языков
Республика Адыгея	адыгейский
Республика Алтай	алтайский
Республика Башкортостан	башкирский
Республика Бурятия	бурятский
Республика Ингушетия	ингушский
Республика Кабардино-Балкария	кабардинский, балкарский
Республика Калмыкия	калмыцкий
Республика Карачаево-Черкесия	карачаевский, черкесский, абазинский, ногайский
Республика Коми	коми (коми-зырянский)
Республика Марий Эл	марийский горный, марийский луговой
Республика Мордовия	мордовский мокшанский, мордовский эрзянский
Республика Северная Осетия - Алания	осетинский
Республика Татарстан	татарский
Республика Тыва	тувинский
Удмуртская Республика	удмуртский
Республика Хакасия	хакасский
Чувашская Республика	чувашский
Чеченская Республика	чеченский
Республика Саха (Якутия)	якутский

С.В. Соколовский

***Международный опыт и проблемы
имплементации Европейской Хартии
региональных языков или языков меньшинств
в России***

Ключевые слова: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, Российская Федерация, проблемы имплементации, экономические аспекты имплементации

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств (далее — Хартия) представляет собой международный договор с весьма сложной структурой, объектами защиты которого являются языки. Этот документ относится, как говорят юристы, к документам обязательств, а не к документам, гарантирующим соблюдение прав, поскольку государства-участники принимают на себя по выбору систему пунктов (параграфов Хартии) для защиты недоминирующих или менее используемых языков, на которых говорят граждане этих государств. В отношении каждого из таких языков и даже каждой из территорий, на которых они распространены, можно создавать уникальный набор обязательств. Теоретически возможна такая ситуация, когда каждый из недоминирующих языков получает собственную модель или версию защиты, однако на практике число таких моделей, разумеется, не является безграничным, и каждое из ратифицировавших Хартию государств для упрощения отчетности обычно использует лишь несколько моделей из весьма значительного числа возможных.

Целью этой статьи является рассмотрение европейского опыта внедрения норм (имплементации) Хартии в связи с тем, что Россия вступила в активную фазу подготовки к ее ратификации, и такого рода опыт может оказаться полезным при принятии решений относительно конкретных уровней защиты различных языков. Основными источниками, использованными при подготовке статьи, стали периодические отчеты государств-участников Хартии, комментарии экспертов Совета Европы, рекомендации Комитета министров Совета Европы и другие публикации, упоминаемые ниже, а также личный опыт участия в конференциях, семинарах и рабочих экспертных группах, проводимых представительствами Европейского Союза в России и Министерством регионального развития Российской Федерации. Поскольку отдельные государства прошли уже три цикла отчетности (см. табл. 1), то в моем распоряжении оказалось более 50 отчетов с подробными характеристиками языковых ситуаций и принимаемых правительственных мер, а также соответствующую

щее число экспертных комментариев и замечаний министров, что позволило получить относительно целостное впечатление о проблемах имплементации Хартии в различных государствах Европы.

В основу механизма выполнения обязательств по Хартии, помимо уже упомянутой периодической отчетности и заключений Комитета экспертов Совета Европы, положена идея постоянного совершенствования системы обязательств, нацеленных на постепенное развитие языков и обеспечение языковых прав граждан государств-участников. По мере прохождения новых циклов отчетности и решения очередных задач управления языковым многообразием практически у всех государств-участников появлялись новые задачи и цели, под защитой Хартии оказывались и новые, прежде неучтенные языковые сообщества, и число языковых единиц¹, оказавшихся под защитой Хартии, постоянно растет. Вместе с тем, следует отметить, что Хартия содержит относительно небольшой набор защитных норм или обязательств, что позволяет некоторым экспертам говорить о ее минималистском характере. Действительно, в отношении старописьменных языков, нередко являющихся официальными или доминирующими языками в сопредельных государствах и обладающих развитыми литературными традициями, этот набор можно считать минималистским. В отношении младописьменных языков, не говоря уже о бесписьменных языках с менее развитыми терминосистемами, обязательства по Хартии (в особенности в Части III) могут оказаться весьма обременительными и дорогостоящими. Одной из задач статьи является, таким образом, оценка разнообразных рисков и проблем, с которыми может столкнуться Россия, ратифицировав Хартию.

Таблица 1

Сроки вступления в силу Европейской Хартии, поступления отчетов и перечни защищаемых языков (по состоянию на ноябрь 2009 г.)

Страны / Дата вступления	Отчеты	Защищаемые языки
Австрия, 28.06.2001	2003, 2007	венгерский, словенский, хорватский Бургенланда, цыганский язык австрийских цыган, чешский
Армения, 25.01.2002	2003, 2008	ассирийский, греческий, езидский, курдский, русский
Великобритания, 27.01.2001	2002, 2005, 2009	валлийский, гэльский, ирландский, шотландский (вкл. шотландский Ольстера)
Венгрия, 16.03.1999	1999, 2002, 2005, 2009	немецкий, румынский, сербский, словацкий, словенский, хорватский, цыганский (беас)
Германия, 16.09.1998	2000, 2004, 2007	датский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, нижненемецкий, сатерландский (старовостонофризский),

Страны / Дата вступления	Отчеты	Защищаемые языки
Дания, 08.09.2000	2002, 2006	северофризский, цыганский немецких синти и рома**, немецкий Южной Ютландии
Испания, 09.04.2001	2002, 2007	арагонский*, астурийский*, аранский [диалект окситанского], баскский [эускари], галисийский, каталанский (вкл. валенсийский), португальский
Кипр, 26.08.2002	2005, 2008	армянский, арабский маронитской общины Кипра
Лихтенштейн, 18.11.1997	1999, 2002, 2005, 2008	–
Люксембург, 08.04.2005	2007	–
Нидерланды, 02.05.1996	1999, 2003, 2007	фризский; нижнесаксонский, лимбургский, идиш**, цыганские языки**
Норвегия, 10.11.1993	1999, 2002, 2005	саамский, квенский [диалект финского], цыганские**
Польша, 12.02.2009	–	армянский, белорусский, идиш**, караимский, кашубский, лемковский, литовский, немецкий, русский, словацкий, татарский, украинский, чешский, цыганский**
Румыния, 29.01.2008	–	албанский, армянский, болгарский, венгерский, греческий, идиш, итальянский, немецкий, македонский, польский, русинский, русский, сербский, словацкий, татарский, турецкий, украинский, хорватский, цыганский, чешский
Сербия, 15.02.2006	2007	албанский, боснийский, болгарский, венгерский, румынский, русинский, словацкий, украинский, хорватский, цыганский
Словакия, 05.09.2001	2003, 2008	–
Словения, 04.10.2000	2002, 2005, 2009	венгерский, итальянский, цыганский
Украина, 19.09.2005	2007	белорусский, болгарский, венгерский, гагаузский, греческий, идиш, крымскотатарский, молдавский, немецкий, польский, румынский, русский, словацкий, русский**, саамский, татарский**, цыганский**, шведский
Финляндия, 09.11.1994	1999, 2002, 2006	итальянский, венгерский, русинский, сербский, словацкий, украинский, чешский
Хорватия, 05.11.1997	1999, 2003, 2006	албанский, цыганский
Черногория, 15.02.2006	2007	немецкий, польский, словацкий, цыганский
Чехия, 15.11.2006	2008	–
Швейцария, 23.12.1997	1999, 2002, 2006	итальянский, ретороманский [романшский]
Швеция, 09.02.2000	2001, 2004, 2007	идиш**, саамский, торнедалский [диалект финского], цыганский**

* неофициальные языки;

** нетерриториальные языки

Сведения, представленные в таблице, позволяют отметить, что в странах, ратифицировавших Хартию, поддерживается 60 языковых единиц (включая диалекты), или 46 языков, причем более половины из них являются государственными языками соседних стран: албанский, арабский [вкл. арабский кипрских маронитов], арагонский, аранский, армянский, ассирийский, астурийский, баскский (эускари), белорусский, болгарский, валлийский, венгер-

ский, гагаузский, галисийский, греческий, гэльский (Шотландия и о-в Мэн), датский, езидский, идиш, ирландский, итальянский, караимский, каталанский [вкл. валенсийский], крымскотатарский, курдский, литовский, лужицкий [вкл. верхне- и нижнелужицкий], македонский, немецкий [вкл. нижне-немецкий и нижнесаксонский], польский [вкл. кашубский], португальский, ретороманский (или романш), румынский [вкл. молдавский], русский, саамский, сербскохорватский [вкл. боснийский, сербский, хорватский и хорватский Бургенланда], словацкий, словенский, татарский, турецкий, украинский [вкл. лемковский и русинский], финский [вкл. квенский и торнедалский], фризский [вкл. северофризский и сатерландский или старовосточнофризский], цыганские языки (романи чиб и беас), чешский, шведский.

Помимо 24 стран, ратифицировавших Хартию и представивших ратификационные грамоты, девять государств, подписавших Хартию, до сих пор не ратифицировали ее (Азербайджан — в 2001 г., Босния и Герцеговина — в 2005 г., Исландия — в 1999 г., Италия — в 2000 г., Македония — в 1996 г., Мальта — в 1992 г., Молдова — в 2002 г., Россия — в 2001 г. и Франция — в 1999 г.). Еще 14 стран—членов Совета Европы не подписывали Хартию (Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Грузия, Греция, Ирландия, Латвия, Литва, Монако, Португалия, Сан-Марино, Турция и Эстония).

Возможные риски можно объединить в пять проблемных областей, каждая из которых, впрочем, связана со всеми остальными, так что сама группировка оказывается весьма условной, однако позволяет систематизировать имеющиеся материалы и придать их изложению упорядоченный характер.

Первой из таких проблем является проблема российского *диапазона*, или *масштаба языкового разнообразия*, беспрецедентная в границах Европы. Если руководствоваться лингвистическими, а не политическими критериями, то языковое многообразие охватываемых Хартией 24 государств исчерпывается 46 языками (их перечень приведен выше в комментарии к Табл. 1), причем 29 из них являются государственными либо в странах-участниках Хартии, либо в соседних государствах. Наличие государственной поддержки для языка (даже за пределами того государства, где он не является официальным языком, а представляет собой язык меньшинства или региональный язык) оказывается решающим фактором его выживания и значительно сокращает финансовые издержки, требуемые для его поддержания (например, в части разработки новой терминологии, подготовки словарей, учебников и квалифицированных преподавателей, организации радио- и телевидения на соответ-

вующем языке и т. д.). Государственные языки обладают развитой и исторически сложившейся инфраструктурой обеспечения языковых прав и языкового развития, и их существованию, строго говоря, ничто не угрожает. В то же время некоторые вымирающие языки, число носителей которых, по оценкам лингвистов, уже сегодня составляет менее 1000 чел., по каким-то причинам иногда оказываются за рамками Хартии (как, например, истророманский или истриотский в Хорватии).

Даже по самым скромным оценкам языкового многообразия в России (см. статью В.В. Степанова в настоящем номере), количество языковых сообществ может втрое, а то и вчетверо превосходить их численность во всех ратифицировавших Хартию странах вместе взятых. При этом в случае России подавляющее большинство языков не являются государственными ни в стране, ни за ее пределами, а стало быть, и не располагают той инфраструктурой обеспеченностью, о которой шла речь выше. Уровень затрат на поддержку таких языков будет заведомо выше, чем у официальных старописьменных языков.

Масштаб языкового разнообразия имеет и пространственное или географическое измерение, т.е. *территориальный аспект*. Россия по своей площади почти вдвое превосходит площадь всей Европы, что создает существенные трудности при сборе социолингвистической информации и мониторинге потребностей в области языковых прав, а также многократно повышает расходы на исследования. Сложность административно-территориального деления страны и неполнота информации относительно характера расселения носителей того или иного языка, а также их потребностей в дошкольном и школьном образовании, в свою очередь, усложняет исследовательскую и мониторинговую стороны имплементации. Даже инвентаризация правовых норм, действующих в сферах языка и образования на уровне субъектов федерации, становится самостоятельной и требующей значительных усилий задачей, поскольку речь идет о тысячах, если не десятках тысяч законодательных актов. В условиях, когда территория такого субъекта РФ как, например, Красноярский край в четыре с лишним раза превосходит территорию Франции, общие сведения о числе носителей того или иного языка на такой обширной территории становятся бесполезными — нужны данные на уровне районов и населенных пунктов. Информация на уровне районов и отдельных поселений необходима для выработки адекватных моделей защиты каждого из языков; без нее планирование образования и определение потребностей в обучении

языку или на языке представляется невозможным. Перечень берущихся под защиту Хартии языков обязательно должен быть снабжен перечнем территорий их распространения, а сами модели защиты должны быть гибко адаптированы к особенностям расселения и уровню потребностей населения в конкретных условиях бытования языковых сообществ, т. е. на уровне районов и отдельных поселений. Это означает, что ратификационный документ в случае России будет иметь сложную структуру, опирающуюся не на одну–две, а, как минимум, на пять–шесть моделей, дифференцированных по уровню развития языков, характера пространственно-территориального распространения их носителей, потребностей в обучении и т. д.

Все перечисленное делает очевидной значимость *экономических проблем* имплементации. Без специального исследования экспертные оценки финансовых рисков имплементации Хартии в России могут быть сегодня только косвенными и сугубо предварительными, тем не менее, они все же возможны. Для языков с развитой инфраструктурой на первых порах не потребуются больших дополнительных вложений, поскольку у них есть и подготовленные учителя, и разработанные учебные курсы и учебники, налажен выпуск периодической печати и книг, существуют теле- и радиопрограммы, хотя в ряде случаев и с явным недостатком часов вещания. Такие языковые сообщества, как правило, имеют высокий уровень политического представительства и могут лоббировать собственные интересы в сфере языковой политики. Более того, вполне возможна ситуация, когда федеральное правительство может посчитать, что, например, титульные языки во многих республиках (как, например, в Татарстане, Туве, Чувашии и Якутии) уже достаточно защищены, и, стало быть, их не нужно включать в ратификационный отчет².

Иное дело так называемые младо- и новописьменные языки (в России таких языков 20)³, или языки с прерванной и относительно недавно возобновленной традицией письменности (8 языков), и, наконец, бесписьменные языки, которых по данным российских социолингвистов, только в Дагестане насчитывается более двадцати (ПЯ 2003: XVII–XX). Большинство языков этой группы (за исключением эвенского), которую я предлагаю условно называть, *языками с ослабленной инфраструктурой поддержки*, не используются в качестве языка обучения в школьном образовании, а некоторые из них преподаются лишь как факультатив. Бесписьменные же языки не преподаются вообще, или преподаются в школах факультативно. Лишь у двух из 26 бесписьменных языков, исследованных лингвистами в рамках международного про-

екта (негидальского и орокского), существуют программы радиовещания; остальные в СМИ не используются. Языки именно этой группы нуждаются в первоочередной поддержке и защите, однако как раз их защита и требует наибольших финансовых затрат.

Выше уже шла речь о том, что число европейских языков с менее развитой инфраструктурной поддержкой, уже охваченных Хартией, весьма невелико — их не наберется и двух десятков. При этом нужно отметить, что практически все они имеют письменные традиции, а также весь набор современных медиа и соответствующие образовательные инфраструктуры. В России инфраструктурно слабых языков, как минимум, вдвое больше, чем во всех 24 странах, ратифицировавших Хартию, вместе взятых. Стало быть, по самым приблизительным оценкам, и уровень затрат будет на порядок выше, чем в любой отдельно взятой европейской стране.

Чтобы лучше представить, каков может быть характер и уровень предполагаемых затрат, обратимся к некоторым примерам из опыта других стран-участников Хартии. Например, в отчете Великобритании сообщается, что Ассамблея правительства Уэльса лишь на поддержку нескольких газет и журналов на валлийском языке в 2001–2002 гг. выделила 150–200 тыс. фунтов. Еще 51 тыс. фунтов на поддержку валлийской печати поступила от Комиссии по поддержке валлийского языка (ACUK 2004: 12, 26). Правительство Уэльса в последнее время увеличило поддержку валлийского до 37 млн. фунтов (ACUK 2004: 63). В этом же отчете упоминается, что поддержка телепрограмм на гэльском обходится правительству Шотландии ежегодно в 8,5 млн. фунтов стерлингов, что позволяет подготовить за год около 150 часов телевещания на этом языке (ACUK 2004: 40). В 2001–2002 гг. Гэльский телекомитет получил 8,9 млн. фунтов (Там же).

В соответствии с обязательством по Хартии “поддерживать хотя бы одну газету на [каждом] региональном языке или языке меньшинства” (Статья 11 e, i Хартии) одна из газет, выходящих на ирландском языке в Северной Ирландии, получает ежегодную субсидию от британского правительства в сумме 115 тыс. фунтов стерлингов. Помимо этого, североирландский телекомитет ежегодно выделяет целевые субсидии на подготовку титров на ирландском для телевидения и кинопроката. Поддержка ирландского языка в Северной Ирландии ежегодно обходится примерно в 4 млн. фунтов (Там же: 68). Иными словами, на обеспечение лишь части расходов на поддержку трех языков ежегодно тратится более 50 млн. фунтов стерлингов. Нужно еще раз под-

черкнуть, что речь здесь идет об инфраструктурно сильных языках, для поддержки и развития которых уже действуют полные наборы институтов и механизмов (подготовлены специалисты, учителя, учебные курсы и учебники, школьные и дошкольные учреждения, СМИ, включая телевидение, книгопечатание, существуют системы мониторинга языковых потребностей и проч.). Если же попытаться подсчитать финансовые издержки, требующиеся на соответствующее развитие бесписьменных языков, то затраты кратно возрастают, причем значительная их часть не зависит от числа носителей языка, поскольку, например, подготовка специалистов, учебников и словарей, разработка лексического корпуса, создание радио- и телепрограмм стоит примерно одинаково, готовятся ли они для 100 человек или для 10 тыс. человек.

Теперь мы располагаем некоторым, пусть весьма приблизительным, ориентиром для оценки объемов финансирования, требуемого для имплементации. Если взять за основу британский уровень поддержки и считать, к примеру, что поддержка новописьменных и бесписьменных языков будет обходиться вдвое дороже, чем инфраструктурно сильных, то на поддержку каждого из сильных языков (исходя из той же минимальной суммы в 50 млн. фунтов стерлингов или 55 млн. евро на поддержку трех языков с развитой инфраструктурой) потребуется около 18 млн., а слабых — 36 млн. евро ежегодно. В России 34 официальных языка (включая 11 дагестанских)⁴ имеют статус государственных на территориях соответствующих республик. Однако далеко не все из них можно считать инфраструктурно сильными. Так, например, агульский, рутульский и цахурский следует отнести к новописьменным языкам, получившим письменность лишь в 1990-е гг. (цахурский является языком с возобновленной письменной традицией). Еще на 19 языках преподавание в средней школе не ведется (они преподаются лишь как предмет). Таким образом, 22 языка с относительно развитыми инфраструктурами, обеспечивающими их эффективное функционирование в важнейших коммуникативных сферах, должны получить около 400 млн. евро субсидий на развитие и поддержку. Остальные 12 языков из числа официальных или государственных потребуют для своего функционального развития больших затрат — около 430 млн. евро. 28 младо- и новописьменных языков (т.е. получивших письменность в 1920–1930-е или 1990-е гг.) потребуют уже более 1 млрд. евро. Это очень солидные бюджетные расходы, которые, согласно российскому законодательству, лягут основным бременем на региональные и местные бюджеты (т.е. бюджеты органов местного самоуправления).

Приведенный расчет может, разумеется, рассматриваться как преувеличенный, хотя бы потому, что некоторая часть средств (но не столь уж значительная, поскольку затраты на печать и телевидение окажутся сравнимыми; кроме того, в приведенный выше расчет не включена стоимость поддержки и развития бесписьменных языков) может быть сэкономлена за счет более низкой стоимости труда в России сравнительно с его стоимостью в Великобритании. Я привел этот условный и сугубо приблизительный расчет лишь потому, что у некоторых чиновников как из российских, так и из европейских структур существует иллюзия, что финансовая сторона имплементации Хартии совсем не важна, была бы политическая воля. Я мог бы привести еще множество примеров того, что игнорирование этой стороны оборачивается проблемами и что ответственное отношение к ратификации (а я являюсь ее сторонником) потребует тщательного расчета и планирования. В противном случае, вместо развития языков мы получим политизацию всей сферы регулирования языковых прав и новый тур языковых конфликтов.

Возможность появления новых **конфликтов**, в связи с внедрением новых обязательств является еще одной группой рисков или проблем, которая должна обсуждаться при подготовке к имплементации Хартии. Хорошо известно, что в странах с высокой языковой мозаичностью и сложной языковой ситуацией существует опасность появления языковых конфликтов и даже так называемых школьных войн, возникающих в ходе “языковой экспансии” языками, объявленными государственными, других языковых сообществ (ПЯ 2000: XXII). Мы знакомы с такими конфликтами, латентными и открытыми, на примерах Молдовы и стран Балтии, не ратифицировавших Хартию как раз с учетом этого комплекса проблем. По существу конфликтной стала ратификация Хартии и на Украине.

Украинская Верховная Рада ратифицировала Хартию дважды. Первый раз это произошло 24 декабря 1999 г. Принятый тогда вариант ратификации закреплял за русским языком статус официального на большей части государства. 12 июня 2000 г. закон о ратификации был отменен Конституционным судом Украины на основании “несоответствия процедуры подписания закона”. Прецедент “несоответствия” был создан самим Конституционным судом: 12 июля 2000 г. суд принял решение о том, что ратификационные законы должен подписывать не председатель Верховной Рады Украины, как это было определено украинским законодательством того времени, а президент. Затем решению Суда была придана обратная сила⁵. После нескольких неудачных

попыток Верховная Рада Украины все же ратифицировала Хартию 15 мая 2003 г. вторично, существенно сократив и урезав исходные обязательства, зафиксированные в ратификационном документе 1999 г. Согласно сведениям, приведенным в первом отчете Украины по Хартии, на поддержку русского языка было выделено 60 тыс. гривен (при численности говорящих, согласно этому же отчету, в 13,5 млн. человек). В то же время на поддержку, например, болгарского языка при численности говорящих в 204,6 тыс. человек выделено 387 тыс. гривен, а крымскотатарского (численность говорящих 248,2 тыс. человек) — 527 тыс. гривен (UIPR 2007: 9). Такой подход бывшего украинского правительства позволил Партии регионов эффективнее мобилизовать свой электорат, пообещав ему более справедливую защиту языковых прав, и победить на президентских выборах.

В России, как известно, существует несколько лингвоконтактных зон, население которых оказалось вовлеченным в конфликт националистически настроенных элит, энергично использующих среди прочих и языковые аргументы. Некоторые лидеры, заработавшие свой политический капитал на “национальном вопросе” в 1990-е гг. и успевшие за последнее время его подрастатить, уже сегодня готовы использовать ратификацию Хартии для получения новых политических дивидендов. Ирония заключается в том, что Хартия была специально разработана с целью “уменьшить опасения правительств, которые бы негативно реагировали на все, что угрожало национальному единству или территориальной целостности государства, но которые оказались бы более открытыми для принятия существования культурного и языкового многообразия на их территориях” (*Ó'Riagáin* 2003: 56). Сегодня некоторые международные эксперты признают, что, по крайней мере, на Украине, “Хартия сыграла совершенно иную роль” (*Bowring, Antonovich* 2008: 157). Чтобы она не сыграла аналогичную роль в России, необходимо тщательно взвесить возможные конфликтные последствия ее ратификации и провести разъяснительную работу среди населения тех регионов, которые могут быть втянуты в подобные конфликты.

Наконец, у имплементации Хартии существует еще один аспект — **внешнеполитический**. Эта последняя проблемная зона касается, строго говоря, не самой имплементации Хартии в России, а, скорее, внешнеполитических плюсов и минусов и, в частности, имиджа страны. Ратификационный инструмент должен носить исключительно прагматический и осторожный характер, а модель или меню (и соответственно — набор обязательств) для каждого

из включенных под защиту Хартии языков должны оказаться выверенными так, чтобы минимизировать все отмеченные выше риски, одновременно создавая возможности для более эффективной защиты каждого языка. Любые ошибки в этой области повлекут нарекания и ухудшат международный имидж России. Напомню, что некоторые из европейских держав, в том числе наши балтийские соседи, пока даже не подписали Хартии, не говоря о ее ратификации. Не сделали этого и такие крупные европейские государства старой демократии, как Италия и Франция, хотя в обеих странах продолжается подготовительная работа, в т. ч. и по совершенствованию языкового законодательства. В России уже инициированы первые мероприятия по имплементации Хартии в нескольких пилотных регионах, однако для успешного ее проведения российскому экспертному сообществу еще предстоит серьезная работа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Как следует из комментариев к табл. 1, вопреки утверждению, что Хартия защищает только языки, а не диалекты (в Ст. 1 Хартии приводится определение: “региональных языков или языков меньшинств” с оговоркой, что “они не включают в себя ни диалекты государственного языка /языков/ этого Государства, ни языки мигрантов”), в перечне защищаемых языков оказалось немало диалектов, поэтому различные эксперты приводят разные числа защищаемых Хартией “языковых единиц”.

² Так, например, поступило датское правительство в отношении фарерского и гренландского языков, приложив к ратификационной грамоте декларацию, в которой отмечалось, что данные языки уже имеют весьма высокую степень защиты и что, следовательно, Хартия не будет использоваться в их отношении, а сведения о них не будут включаться в периодические отчеты (DIPR 2003: 4).

³ Уместно еще раз напомнить, что перечень языков, оказавшихся под защитой Хартии на сегодняшний день, включает лишь 19 *негосударственных языков* во всех странах суммарно.

⁴ В это число не включены также являющиеся государственными языками Дагестана рус-

ский, чеченский и азербайджанский. Русский язык относится к доминирующим государственным языкам и поэтому не может защищаться нормами Хартии по ее условиям; чеченский уже учтен как государственный для территории Чечни (и, чтобы избежать двойного счета языковых единиц, не посчитан и как государственный язык Дагестана), азербайджанский же, подобно другим распространенным на территории России языкам, являющимся государственными в соседних странах (например, армянскому), обычно не включается лингвистами в категорию “языки Российской Федерации”. Последнее не означает, что такие языковые сообщества будут исключены российским правительством из ратификационного перечня (скорее всего, они будут включены), но моя задача — дать минимальную оценку стоимости мероприятий, связанных с имплементацией Хартии, и, в силу этого обстоятельства, данная группа языков пока исключается из расчета.

⁵ Само решение было применено выборочно — исключительно по отношению к Закону о ратификации Хартии, без распространения на аналогичные законы.

Литература:

- ПЯ 2000 — Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000.
- ПЯ 2003 — Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Academia, 2003.
- ACUK 2004 — Application of the Charter in the United Kingdom [ECRML (2004) 1]. Strasbourg, 24 March 2004.
- Bowring, Antonovich* 2008 — *Bowring B., Antonovich M.* Ukraine's long and winding road to the European Charter for Regional or Minority Languages // The European Charter for Regional or Minority Languages: Legal Challenges and Opportunities. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2008. P. 157–182.
- DIPR 2003 — Denmark Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2003) 1]. Strasbourg, 23 January 2003.
- Ó'Riagáin* 2003 — *Ó'Riagáin D.* The Charter: An Overview // *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2003.
- UIPR 2007 — Ukraine Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2007) 6]. Strasbourg, 2 August 2007.

О.Н. Подлесных

Российские переписи населения, статус языковых сообществ и Европейская языковая Хартия

Ключевые слова: Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, переписи населения, языковая ситуация, тюркские языки, финно-угорские языки, Поволжье

В мае 2001 г. Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств (далее — Хартия), а в июне 2009 г. состоялось открытие Совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии по сотрудничеству с Министерством регионального развития Российской Федерации “Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества”, в рамках которой стартовала подпрограмма по имплементации Хартии в России. Эксперты, участвующие в мероприятиях этой подпрограммы, а также представители правительства РФ в лице Министерства регионального развития, отмечая высокую степень готовности России к ратификации Хартии и принятию соответствующих обязательств в области защиты языков, вместе с тем указывали и на то обстоятельство, что необходимые статистические сведения относительно языковых ситуаций на разных территориях страны остаются разобщенными. В задачи автора этой статьи входит оценка российских переписей населения как источника информации о состоянии языковых сообществ России. Предлагаемая ниже общая характеристика переписных программ в отношении языков дополнена анализом языковых ситуаций в одном из наиболее сложных в данном отношении регионов — Поволжье.

Краткая история языковых программ в переписных опросах

Впервые вопросы о языке появились в программе бельгийской переписи 1846 г. В 1850-е гг. этот вопрос вошел в переписные программы Пруссии и Швейцарии. На первом Международном статистическом конгрессе в Брюсселе в 1853 г. в качестве отдельного пункта стандартизованного вопросника предлагалась категория “разговорный язык”. Поскольку официальным языком конгресса был французский, этот термин зафиксировали в документах конгресса как *langue parlée* (Tebarth 1991; цит. по: Arel 2002: 94). В 1876 г. на Всемирном конгрессе статистиков в Санкт-Петербурге он был определен как “язык, используемый при обычном общении”, однако различия между приватным и публичным использованием языка проведено не было, хотя очевид-

но, что язык, используемый дома, может отличаться от языка, употребляемого на работе и в других публичных обстоятельствах. В России данный “обиходный” язык интерпретировали как *родной язык* — эта категория, использовавшаяся в городских подворных переписях 1860-х гг., была сохранена и в первой Всероссийской переписи 1897 г. Инструктивные материалы переписи не содержали определения указанной категории, которая, как известно, может определяться разными, подчас диаметрально противоположными способами¹. Однако анализ традиции ее использования в подворных переписях и переписи 1897 г. показывает, что чиновники имперской России хотя и считали язык объективным показателем этнической принадлежности или национальности (в терминах того времени *народности*), тем не менее полагали, что он может меняться на протяжении жизни человека или в ряду поколений.

Вопрос о языке, включенный в переписи европейских стран в последние два десятилетия XIX в. (в Австрии — в 1880 г., в Венгрии — в 1880 г., в Пруссии — в 1890 г., в России — в 1897 г.), считался наиболее объективным показателем национальной принадлежности. После Первой мировой войны в государствах Центральной и Восточной Европы (например, в Румынии, Польше и Чехословакии) вместо использования языка как показателя национальной принадлежности появился прямой вопрос “Ваша национальность?”. В первых советских переписях он использовался как дополнение к вопросу о языке, а в переписи Чехословакии вместе с вопросом о языке: “Какова Ваша национальность (родной язык)?” (Are/2002: 96).

В отличие от Восточной Европы, в странах Западной Европы языковые сообщества не приравнивались к отдельным национальностям, а скорее рассматривались как дву- или трехязычные проявления единой (бельгийской или швейцарской) нации. Эта противоположность подходов была затем принята теоретиками национализма в качестве основного различия между западноевропейским гражданским и восточноевропейским этническим национализмами. В этом контексте уместно вспомнить о концепции единого советского народа, пропаганда которой разворачивалась незадолго до распада Советского Союза, а также о нынешней концепции единой российской нации. Стоит, однако, отметить, что как в первом, так и во втором случае формула 170-язычной нации все же не звучала. Страны, в которых население говорит на пяти и более языках, сталкиваются со специфической, чисто терминологической проблемой: вместо дву- или трехязычия приходится говорить, например, о национально-русском двуязычии, объединяя все недоминирующие

языки и их носителей в единую категорию, несомненно подрывающую идеологию “единства нации”.

Российские переписи и языковая политика

Основы государственной языковой политики в России закладывались в 1920-е гг., а отдельные ее черты формировались с середины XIX в. Языковая политика всегда была источником политических дебатов в царской, советской и постсоветской России, начиная с 1860-х гг. (*Blank* 1988: 71). Неудивительно в этой связи, что советская власть буквально с первых дней своего существования занялась решением тех проблем в области языковой политики, которые представлялись тогда наиболее острыми. Так, уже 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г. по новому стилю) был принят декрет народного комиссара просвещения о введении нового правописания в России, а к концу того же года (10 октября 1918 г.) Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет о введении новой орфографии (Собрание 1917: Ст. 176.). Специалисты хорошо помнят дальнейшую историю с созданием новых алфавитов для языков меньшинств, латинизацией тех их письменностей, которые существовали на основе арабского шрифта, затем перевод письменности на кириллицу, т. е. все те языковые реформы, которые известны как политика языковой поддержки, и постепенное свертывание их в начале 1930-х гг. В отношении некоторых языков перевод на кириллицу был осуществлен только в начале 1940-х гг. (башкирский — 1940 г., алтайский — 1938 г., а уточненная версия алфавита последнего на основе кириллицы — лишь в 1944 г.) (*Соколовский* 2004: 67–73).

Если латиница обозначала символический разрыв с “шовинистической политикой царизма”, то возвращение кириллицы обосновывалось экономической необходимостью: “нацкадры” должны были полноценно функционировать в общенациональных (т. е. русскоязычных) политической, военной и экономической системах. Декрет СНК от 13 марта 1938 г. “Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей” был направлен на переход к *двуязычному образованию*. И результаты анализа переписей, вопреки распространенному мнению, показывают, что реализация декрета вовсе не означала возврата к политике русификации (*Anderson, Silver* 1984; *Соколовский* 2004: 71–72). Через два года после публикации декрета, в 1940 г., начальное образование на родных языках (1–4 классы) было обеспечено для всех нерусских народов, за исключением нескольких малочисленных групп в Сибири; в 5–7 классах в качестве языков обучения ис-

пользовались лишь 11 языков, остальные преподавались как предмет; в старших классах обучение велось только на двух языках.

Реальным поворотом к утрате функционального двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон “Об образовании” 1959 г., который содержал положение о добровольном выборе родителями языка обучения для их детей, в результате чего введение русского языка в качестве языка обучения стало массовым. Однако и в этом случае, как убедительно продемонстрировали на основании анализа переписных данных и других статистических материалов американские демографы Барбара Андерсон и Брайан Сильвер, гипотеза о направленной политике русификации или централизации не подтвердилась. По мнению этих исследователей, собравших и разработавших весьма представительную базу данных и проанализировавших все доступные источники для проверки трех гипотез — *русификации, равенства языков и влияния статуса национально-административных образований*, лишь третья из них находит фактическое подтверждение. В соответствии с ней государственная языковая политика в 1934–1980 гг. может быть лучше всего описана как политика, направленная на двуязычие меньшинств (*Silver, Anderson 1984*). При этом существующие региональные различия лучше всего объясняются числом носителей языка, степенью компактности их расселения и различием в административном статусе территории (республика, автономная область, национальный район).

Мои собственные полевые данные — интервью и статистические данные о системе образования, собранные во время нескольких поездок в республики Поволжья — также подтверждают именно эту гипотезу. В задачи этой статьи не входит рассмотрение всего комплекса проблем, связанных с историей языковой политики; ее цель гораздо уже — раскрыть связь этой политики с переписями населения, в частности, с их языковыми программами. Я сомневаюсь, впрочем, что связь между языковой политикой и формулировкой вопросов в рамках конкретных переписей населения была простой или однозначной.

Постсоветская история политической мобилизации вокруг проблем языка и языковой идентичности как в новых постсоветских государствах, так и в российских республиках хорошо описана. Сегодня в отношении каждого случая имеется множество монографий, в которых детально описывается ход событий в Эстонии, Латвии, Молдове, Казахстане, а также в ряде республик Поволжья, где вопросы языковой идентичности оказались в центре политиче-

ской борьбы. Однако влияние этих событий на языковую программу пока единственной переписи в постсоветской России было, насколько мне известно, не слишком большим. Во всяком случае, такое влияние трудно заметить, если игнорировать публичное обсуждение программы переписи, а сосредоточиться на формулировках вопросов и их сравнении с предыдущими переписями (см. табл. 1).

Формулировки вопроса о языке в переписях²

Таблица 1

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
1897	12. Родной язык	Здесь записывается название того языка, который каждый считает для себя родным. Для русского языка достаточно обозначения "Р", для малороссийского - "М", для белорусского - "БЛ", прочие же языки должны быть прописаны полностью, например, польский, французский, английский, немецкий, еврейский, татарский, мордовский и т.д.
1926	5. Родной язык	Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит. Родным языком детей, не умеющих говорить, считается язык матери; родным языком глухонемых считается язык, которым они пользуются для общения с окружающими.
1939	8. Родной язык	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывается язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью.
1959	8. Родной язык	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным, следует записать название языка, которым опрашиваемый лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывается язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью.
1970	8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. Родной язык может не совпадать с национальностью. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
1979	8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	народов СССР (т.е. умеющих свободно разговаривать на этом языке), записать в нижней строке, каким (русским, украинским и т. п.) языком опрашиваемый еще владеет. Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет еще двумя и более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет. Лицам, не владеющим свободно другим языком народов СССР, а также детям, еще не умеющим говорить, в верхней строке записывается родной язык, а в нижней записывается "нет". Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, или которым пользуется их семья или лица, с которыми они преимущественно общаются. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР или умеющим только свободно разговаривать на этом языке, записывается название этого языка (русский, украинский, казахский, латышский и т. п.). Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет.
1989	9. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, либо которым пользуется их семья или лица, с кем они непосредственно общаются. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР, т. е. умеющим читать, писать и свободно разговаривать или только свободно разговаривать на этом языке, записывается название этого языка (русский, украинский, казахский, латышский и т. п.). Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет.
2002	9.1. Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов)	Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Вопрос: "Какими иными языками Вы владеете?" В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. Первый прямоугольник предназначен для записи родного языка опрашиваемого. Для этого необходимо опрашиваемому задать вопрос: "Ваш родной язык?". Если опрашиваемый называет родным языком русский, то в вопросе 9.2 он не записывается, но внизу переписного листа в зоне "Резерв" обязательно составляется первая метка. Если помимо русского языка опрашиваемый владеет иными языками, то в трех прямоугольниках записывает-

Год	Формулировка вопроса	Разъяснения анкет и переписных инструкций
		ся название этих языков. Если родным языком является не русский язык, то в первом прямоугольнике записывается название родного языка. В остальных двух прямоугольниках записывается название иных языков, которыми владеет опрашиваемый. Если опрашиваемый владеет бóльшим числом иных языков, чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то запишите языки по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать, какие языки записать, то при записи предпочтение отдается языкам народов России и языкам коренных народов государств – участников СНГ. При этом, если опрашиваемый живет на территории республики (автономной области, округа), то среди языков народов России предпочтение отдается государственному языку данной территории. Запишите слово “нет” в каждую строку тем, кто не владеет иными языками, а также детям, еще не умеющим говорить.

С 1897 по 1959 гг. языковой блок переписей состоял из единственного вопроса “Родной язык”. Однако смысл, вкладываемый в это понятие, менялся от переписи к переписи, что отражено в инструкциях для переписчиков. Так, мы видим, что в первой Всероссийской переписи под этим понималась *языковая идентичность*, поскольку опрашиваемый должен был назвать язык, “который каждый считает для себя родным”. Кстати, инструкция по этому вопросу – самая краткая из всех рассматриваемых и, по существу, исчерпывается этой фразой. Есть еще только указания, как записывать конкретные названия языков. В переписи 1926 г. тот же вопрос направлен на выяснение уже *языковой компетенции* опрашиваемого, т. к. родным языком “признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит”.

Во всех переписях статистики стремились к однозначности. Все билингвы должны были выбрать один язык, как правило, тот, которым они пользуются в большей степени, поэтому переписные анкеты не давали возможности фиксировать два родных языка. Для сложных случаев в инструкциях приводились разъяснения и дополнительные вопросы. Например, не научившимся еще говорить детям рекомендовалось записывать язык матери.

В инструкции переписи 1939 г. возвращается понимание родного языка как языка, который “сам опрашиваемый считает своим родным”. Появляется ремарка: “Родной язык может не совпадать с национальностью”, которая сохранится во всех советских переписях. Не умеющим говорить детям предлагается записывать язык, “на котором обычно разговаривают в семье”.

Инструкция 1959 г. отличается от предыдущей тем, что предусмотрен случай, когда опрашиваемый затрудняется в выборе родного языка. Тогда следует записать название языка, которым он “лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье”.

В переписях 1970, 1979 и 1989 гг. кроме вопроса о родном языке задавался вопрос о владении иными языками народов СССР. Формулировки инструкций этих переписей практически идентичны. Родным языком считается язык, который опрашиваемый сам считает родным. Если он затрудняется с ответом, то следует записать тот язык, которым он лучше всего владеет, или тот, которым он/а обычно пользуется в семье.

Языковой блок переписи 2002 г., как, впрочем, и программа переписи в целом существенно отличается от всех предыдущих советских переписей. Впервые вводится вопрос о владении государственным языком в формулировке: “Владеете ли Вы русским языком?” с полями для вариантов ответа (да/нет). Переписной бланк содержит еще один вопрос о языковой компетенции: “Какими иными языками Вы владеете?”, причем для ответов было предусмотрено три поля. Таким образом, человек мог в принципе зафиксировать владение четырьмя языками. В соответствии с инструкцией вопрос о родном языке задавался устно (бланк переписи его не содержал, однако первое поле вопроса 9.2 “Какими иными языками Вы владеете?” было отведено именно для ответа о родном языке). Общий контекст вроде бы предполагал и в этом случае выяснение языковой компетенции, однако сама формулировка вопроса (“Ваш родной язык”, вместо, например, “Владеете ли Вы языком своей национальности?”) не позволяет различать случаи фиксации языковой идентичности и языковой компетенции.

Ситуация была существенно осложнена и тем обстоятельством, что не везде инструктивные материалы поступили вовремя, и, следовательно, время на обучение переписчиков в отдельных случаях было упущено. Нагрузка на одного переписчика в крупных городах оказалась такова, что инструкция не соблюдалась, и вопрос о родном языке не задавался, поскольку его не было в бланках, и переписчику, даже если он знал инструкцию, следовало помнить о том, чтобы его задать. Все это сделало данные о владении родным языком / языковой идентичности ненадежными.

Сведения переписей населения о владении и пользовании языками традиционно необходимы для оценки языковой ситуации и разработки программ языковой поддержки, или, в общем случае, для формулирования целей

и задач языковой политики. Перепись, проведенная в октябре 2002 г., представляет интересные и заслуживающие внимания сведения о владении языками, однако технология ее проведения создает значительные трудности для их анализа. На это уже обращали внимание многие исследователи, в том числе и специалисты Института этнологии и антропологии РАН, в частности, В.А. Тишков и М.Н. Губогло. Суть этих трудностей заключается в том, что анкета переписи 2002 г., в отличие от всех предыдущих отечественных переписей, не содержала вопроса о родном языке. Напомню, что в переписях 1897, 1926, 1939, 1959 гг. этот вопрос звучал в формулировке “Родной язык”, а в переписях 1970, 1979 и 1989 гг. эта же формулировка дополнялась формулой: “Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете”.

Мотивом исключения вопроса о родном языке для разработчиков анкеты стала, как это можно понять из свидетельств одного из главных ее авторов — В.А. Тишкова (*Тишков* 2003), попытка устранения путаницы между данными о владении языком и языковой идентификацией, с неизбежностью возникающей при анализе ответов на вопрос о родном языке (зачастую остается неизвестным, что имел в виду человек, называя какой-либо язык родным — тот язык, которым он лучше всего владеет, или тот, которым он может и вовсе не владеть, но который считает своим родным в связи с национальной принадлежностью).

Перепись могла бы дать четкие сведения о владении языками, дву- и трехязычии, столь необходимые для оценки языковой ситуации, если бы не брошюра с инструкциями для переписчиков, в которой указывалось, что вопрос о родном языке все же следует задавать, записывая ответ в случае русского языка в пункт 9.1, а в случае иного языка — в первую строку пункта 9.2. Если бы переписчики неукоснительно соблюдали эту инструкцию, то данные новой переписи, хотя и не решили бы старой проблемы различения языковой идентичности от сведений о владении языком, то все же позволили бы на основе полной преемственности с прежними переписями проводить сравнительно-исторический анализ и делать более или менее обоснованные оценки динамики языковой ситуации. Однако мониторинг переписи, проведенный группой экспертов в рамках международного проекта в 20 субъектах РФ, в котором я приняла участие, работая в качестве инструктора на переписном участке, обнаружил, что даже в Москве (не говоря уже о других регионах, куда инструктивные брошюры поступили позже или не поступили вовсе, а значит, и времени на обучение переписчиков по этим инструкциям практически не

было) далеко не все переписчики, согласно инструкции, задавали отсутствующий в анкете вопрос о родном языке. В итоге получилось так, что проконтролировать или обнаружить по заполненным анкетам, задавался ли вопрос о родном языке, или переписчик, следуя исключительно анкете, спрашивал только о владении русским и иными языками, оказалось невозможным. Точнее, этого нельзя определить относительно тех, для кого родной — любой язык, кроме русского. В случае, если родным являлся русский язык, согласно инструкции, помимо того, что отмечался вариант ответа “Да”, переписчиками вносилась дополнительная отметка внизу анкеты на специальном рабочем поле. Иными словами, для той совокупности переписанного населения, у которой родным языком был русский и которой во время опроса задавался вопрос о родном языке, сведения о владении и языковой идентификации можно разделить. Относительно иных языков такое разделение оказывается невозможным. Сопоставление полученных в переписи 2002 г. сведений с данными прежних переписей становится проблематичным.

Полученные итоги нельзя трактовать ни как сведения о владении языками (часть переписчиков все же задавала вопрос о родном языке, следуя инструкции), ни как сведения о языковой идентификации. То есть для анализирующих языковую информацию по итогам переписи обнаруживается невозможность разделить сведения о владении языками в языковых сообществах от сведений о владении языками в сообществах этнических. Остается единственный выход — рассматривать в отношении каждого конкретного случая два сценария: 1) вопрос о родном языке задавался, и ответы были занесены в анкету в полном соответствии с инструкцией; 2) вопрос о родном языке не задавался; были заданы лишь вопросы 9.1 и 9.2 о владении русским и иными языками.

Методические неточности, допущенные в инструктивных материалах переписи 2002 г., предполагалось устранить в предстоящей переписи 2010 г., которая пройдет в октябре и обсуждение программы которой началось еще в 2007 г. Если вопросы о национальности и языке будут сохранены в программе переписи 2010 г. (есть опасения, что эта тема вообще может исчезнуть из программы переписи в связи с новым российским законодательством о сборе персональных данных), то вопросы о языке необходимо сформулировать таким образом, чтобы отразить реальное распространение языков на территории РФ, а не языковую компетенцию (владение, степень которого остается крайне неопределенной) или языковую идентичность.

Эксперты Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН на совместном заседании в феврале 2007 г. в ответ на запрос Росстата предложили следующие формулировки вопросов: “Говорите ли вы по-русски? (да/нет)”; “На каком языке вы впервые начали говорить в детстве?” (две строки); “Какие языки вы используете в настоящее время?” (три строки). По их мнению, такая формулировка вопросов (использование глаголов “говорить” и “использовать”, а не “владеть” или “знать”) позволила бы избежать отражения в результатах предстоящей переписи владения иностранными языками в объемах школьной программы, четче разграничить языковую компетенцию и языковое самосознание и, по возможности, учесть распространение дву- и трехязычия, что позволило бы внести коррективы в языковую политику государства. Все это позволило бы получить более надежные сведения о реальном распространении языков в языковых сообществах России (Рекомендации 2007).

Языковая ситуация в республиках Поволжья

Обсуждение языковой ситуации и ситуации с языковыми правами в республиках Поволжья по ряду причин остается актуальным. Это не только причины правового характера — международные обязательства России по соблюдению европейских языковых стандартов в связи с ее членством в Совете Европы и ОБСЕ и ратификация соответствующих международных конвенций. Выбор региона интересен своей историей движений за языковые права и требований в этой области, которые в наиболее категоричной форме ставились и отчасти продолжают ставиться именно в тюркских и финно-угорских языковых сообществах этого региона. Относительно недавние дискуссии по поводу реформы татарского алфавита в Татарстане и положения татароязычного населения в Башкортостане, а также дискуссии вокруг принятого в мае 2003 г. закона “О языках в Чувашской Республике” подтверждают актуальность изучения ситуации с языковыми правами в Поволжье.

Выборочные итоги переписного опроса по наиболее крупным языковым сообществам рассматриваемого региона приведены в *Приложении* (табл. 1–6). При всех перечисленных оговорках и сложностях интерпретации сведения о владении языками и языковой идентификации, содержащиеся в итогах переписи, все же представляют значительный интерес. Специалистам известно, насколько острой остается ситуация с обеспечением языковых прав татароязычного населения в северо-западных районах Башкортостана. Примером могут служить требования татарских общественных организаций о признании

за татарским языком статуса государственного в республике, особенно громко звучавшие сразу после принятия закона “О языках народов Республики Башкортостан” в 1999 г., в соответствии со ст. 3 которого статус государственных языков в республике был признан за башкирским и русским языками³.

Известно, что в последние годы в западных районах республики проводилось усиленное внедрение башкирского языка как обязательного предмета школьной программы. Согласно результатам переписи, численность башкир в республике впервые превысила численность татар, однако при этом сведения о языке демонстрировали резкий рост доли татароязычных башкир: в 2002 г. их доля выросла до 36,8%, в то время как в 1989 г. она составляла лишь 20,7%. Такой рост невозможно объяснить динамикой естественного или механического прироста. Очевидно, речь здесь должна идти об административном давлении на районные власти и переписчиков во время проведения переписи и манипуляциях с переписными анкетами. Правда, официальная проверка, проведенная Госкомстатом, не зафиксировала серьезных нарушений; факты административного давления были установлены во время мониторинга переписи в Бакалинском и Чекишевском р-нах республики (*Габдрафиков 2003; Ле Торривелек 2003*).

Довольно резко выросла и доля татар, отметивших владение башкирским языком — с 0,5% в 1989 г. до 11,1 в 2002 г., т. е. в 22 раза. Однако этот феномен, на мой взгляд, легко объясняется тем обстоятельством, что именно в переписи 2002 г. впервые вопрос о владении языками давал возможность называть четыре языка (включая русский). Так как при подсчете итогов суммировались все татары, назвавшие башкирский в качестве второго или третьего языка, рост владеющих башкирским становится статистическим артефактом: многие татары в республике и прежде владели башкирским, но структура анкеты в переписи 1989 г. не позволяла отразить владение четырьмя языками (владевшие русским могли назвать еще два — родной и “другой язык народов СССР, которым свободно владеете”; не владевшие русским называли лишь два языка — родной и “другой язык народов СССР”). Возможны, разумеется, и иные интерпретации этих результатов, поскольку неясность процедуры переписи 2002 г. по языку, отразившая противоречия между инструкцией и переписной анкетой, дает почву и для иных заключений. Предложенное здесь объяснение косвенно подтверждается тем обстоятельством, что четвертым языком по числу владеющих в республике оказался английский, его назвали более 149 тыс. чел. (см.: табл. 1).

Английский занял четвертое место и в республиках Марий Эл, Мордовии и Удмуртии, а в Татарстане и Чувашии он вышел на третье место, опередив чувашский (в случае Татарстана) и татарский (в случае Чувашии), которые заняли четвертые места. Такие высокие показатели владения иностранными языками (значительное число людей во всех сравниваемых республиках региона указали также владение немецким и французским языками) косвенно подтверждает второй из названных мною ранее сценариев, а именно: вопрос о родном языке в большей части случаев не задавался; переписчики ограничились вопросами анкеты. Причинами этого может служить как уже отмеченное выше вполне вероятное незнание инструкции, так и высокая индивидуальная нагрузка на каждого переписчика, заставляющая их проводить опрос в высоком темпе и использовать разнообразные тактики минимизации усилий. В частности, наблюдения за переписью в Москве показали, что во многие квартиры переписчики не приходили, а заполняли бланки краткого опроса (так называемую форму К), либо опрашивали людей по телефону, используя лишь текст анкеты.

Если оценивать эффективность языковой политики в республиках в отношении титульного населения по доли владеющих языками своей национальности (сценарий второй сведения переписи действительно отражают реальное владения языками, а не языковую идентичность), то складывается следующая картина: **в Башкирии** владеют языком своей национальности 86,8% татар, 84,4 удмуртов, 83,7 марийцев; 77,6 чувашей и 65,6% мордвы; **в Марий Эл**, соответственно, 83,2% татар и 63,2% чувашей; **в Мордовии** — среди наиболее крупных языковых сообществ можно выделить лишь татар (92,5%); **в Татарстане** — 87,4% удмуртов, 86,5 чувашей, 78,2 мордвы, 74,5% марийцев; **в Чувашии** — 89,4% татар и 72,8% мордвы; **в Удмуртии** — 88,3% бесермян (удмуртским языком), 74,9% татар и 72,8% марийцев.

Это лишь весьма грубый и приблизительный показатель эффективности языковой политики в отношении меньшинств. Более точные оценки можно получить лишь при анализе переписной статистики на уровне районов, где появляется возможность привязать сведения о владении языками к районам компактного проживания меньшинств. Помимо этого дополнительные и весьма важные сведения могут быть получены из Росстата, если для исследователей станут доступными не только суммарные данные о владении языками, но и построчные сведения по порядку названия языков (напомню еще раз, что в графе “Какими иными языками Вы владеете?” были три строки

для заполнения, и порядок ответов в анкетах мог бы дать интересные сведения для анализа).

Сравнение только что приведенных сведений о степени владения языками своей национальности, в которых не учитывалось владение русским и титульными языками, позволяет предположить, что в разных республиках, а возможно, и в разных районах внутри республик, применялись разные сценарии опроса — в одних вопрос о родном языке задавался чаще, в других — реже. Косвенным показателем, подтверждающим эту гипотезу, могут служить данные о владении мордовскими языками. Специалистам хорошо известен факт значительной ассимиляции мордвы за пределами республики, выражающийся в утрате языка и этнической идентичности. Поэтому относительно высокие показатели владения языком своей национальности у мордвы в Татарстане и Чувашии косвенно свидетельствуют о том, что здесь, скорее всего, сведения о владении суммированы со сведениями об языковой идентификации, т. е. вопрос о родном языке задавался чаще. Без дополнительного анализа не удастся также разделить сведения о немецком как иностранном от данных о владении родным языком у немцев.

Что касается степени владения титульными языками в тех республиках Поволжья, где мне удалось провести полевые исследования⁴, то здесь складывается следующая картина (опять-таки, если трактовать данные переписи как сведения о реальном владении соответствующими языками): **в Башкирии** владение башкирским языком указали 74,7% опрошенных башкир; **в Марий Эл** марийским языками, по данным переписи, владели 84,2% марийцев; **в Мордовии** мордовскими языками — 84,6% мордвы; **в Татарстане** татарским — 95,1% татар (включая кряшен); **в Чувашии** чувашским — 85,8% чувашей; **в Удмуртии** удмуртским — 71,9% удмуртов (включая бесермян). Показатель по Мордовии представляется завышенным, что свидетельствует о том, что на территории республики вопрос о родном языке, по всей видимости, все же задавался достаточно часто.

По данным проведенного мной экспертного опроса на территории республики и полученным оценкам экспертов, престиж мордовских языков остается низким, поэтому родители учеников, руководствуясь прагматическими соображениями, часто не желают отдавать детей в национальные школы и не требуют открытия классов и выделения дополнительных часов в школьных учебных планах на изучение родного языка и литературы. Известно, что статус государственных мордовские языки получили только в сентябре

1995 г. В мае 1998 г. был принят закон “О государственных языках в Республике Мордовия”. В соответствии со ст. 10 этого закона “во всех учебных заведениях Республики Мордовия наряду с языком обучения независимо от ведомственной принадлежности этих заведений может изучаться мордовский язык (мокшанский или эрзянский)”. По сравнению с аналогичными нормами, например, в Татарстане, где изучение татарского в школах является обязательным, факультативное изучение мордовских языков (подразумеваемое формулой “может изучаться”) не привело к радикальным изменениям в национальном образовании: уровень охвата школьников эрзян и мокшан обучением на родном языке в среднем по республике не достигал 30% в 1999/2000 и 2001/2002 учебных годах и остается практически таким же сегодня.

Изложенные наблюдения позволяют прийти к заключению, что переписные материалы могут использоваться для оценки языковых ситуаций лишь с известными оговорками, причем в случае каждой из переписей должны быть выработаны свои система поправок и методика оценки. Для взаимной коррекции переписных данных необходимо использовать сведения о распространении языков последних четырех–пяти переписей населения (1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг.), поскольку они характеризуют различные поколения современного населения страны.

Анализ языковых ситуаций в республиках Поволжья также свидетельствует о необходимости дифференцированных подходов: можно определенно утверждать, что в каждой из республик применительно к каждому из бытующих на ее территории языков придется разрабатывать если не уникальную, то все же отдельную модель (меню из пунктов Хартии), а ряде случаев такие отдельные модели необходимы и на уровне районов. Иными словами, в многоязычном регионе Поволжья, в котором контактируют как близкие друг другу языки, так и языки разных семей, вряд ли удастся обойтись ограниченным набором моделей языковой защиты.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Так, в некоторых документах ООН “родной язык” определяется как “язык, на котором человек обычно говорил дома в детстве” (*Silver* 1986: 88), в то время как, например, в швейцарской переписи 1950 г. он же определен как “язык, на котором думаешь и которым владеешь лучше всего” (*Lévy* 1964: 261. Цит. по: *Are* 2002: 99).

² В таблицу не включена перепись 1920 г., поскольку она не охватывала населения всей страны из-за гражданской войны; программа переписи 1937 г. совпадала с программой переписи 1939 г., однако ее материалы были признаны дефектными и остаются неопубликованными.

³ Подробнее см.: *Габдрафиков* 1999; *Габдрафиков, Баймухаметова* 2003.

⁴ Итоги полевых работ 1997–2002 гг. отражены в следующих публикациях автора: *Подлесных* 1997, 1999, 2001а, 2001б, 2001в, 2002а,

2002б, 2002в, 2005, 2007а, 2007б, 2009. Материалы об обеспечении языковых прав в судебной системе и учреждениях высшего образования находятся в архиве автора.

Литература:

- Габдрафиков* 1999 – *Габдрафиков И.* Принят закон “О языках народов Республики Башкортостан” // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Вып. 23. Январь–февраль 1999 г. С. 20–22.
- Габдрафиков* 2003 – *Габдрафиков И.* Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии // Этнография переписи-2002. М., 2003. С. 101–134.
- Ле Торривелек* 2003 – *Ле Торривелек К.* Перепись и идентичности: Башкирия в октябре 2002 года // Этнография переписи-2002. С. 94–100.
- Габдрафиков, Баймухаметова* 2003 – *Габдрафиков И., Баймухаметова Г.* Республика Башкортостан // На пути к переписи. М., 2003. С. 65–100.
- Подлесных* 1997 – *Подлесных О.Н.* Языковые права меньшинств в области образования (на примере республик Поволжья) // Homo Juridicus. М., 1997. С. 178–192.
- Подлесных* 1999 – *Подлесных О.Н.* Языковые права коренных народов в области образования (государственное регулирование или обычное право) // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 163–166.
- Подлесных* 2001а – *Подлесных О.Н.* Плюрализм режимов защиты прав меньшинств и языковое законодательство в тюркоязычных республиках Поволжья // Плюрализм и региональная политика в полиэтнических государствах. М., 2001. С. 109–121.
- Подлесных* 2001б – *Подлесных О.Н.* Нарушение языковых прав меньшинств // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. М., 2001. С. 109.
- Подлесных* 2001в – *Подлесных О.Н.* Игрушка в руках закона? (Языковые права в судопроизводстве республик Поволжья) // IV Конгресс этнографов и антропологов России... С. 121.
- Подлесных* 2002а – *Подлесных О.Н.* О состоянии национального образования (Мордовия) // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень № 38. М., 2002. С. 16–20.
- Подлесных* 2002б – *Подлесных О.Н.* Средства массовой информации и национальная политика (Удмуртия) // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском... Бюллетень № 38. С. 34–36.

- Подлесных* 2002в — *Подлесных О.Н.* Система национального образования в Татарстане // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском... Бюллетень № 39. С. 34–37.
- Подлесных* 2005 — *Подлесных О.Н.* Языковая ситуация в республиках Поволжья по данным переписи 2002 г. // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г. СПб., 2005. С. 462.
- Подлесных* 2007а — *Подлесных О.Н.* Социолингвистические сведения о положении с языковыми правами меньшинств в республиках Поволжья // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 9–14 июля 2007 г. М., 2007. С. 89.
- Подлесных* 2007б — *Подлесных О.Н.* Языковая ситуация в республиках Поволжья // Этнокультурный облик России / Отв. ред.: В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007. С. 93–100.
- Подлесных* 2009 — *Подлесных О.Н.* Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств и деятельность Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. М., 2009. С. 289.
- Рекомендации 2007 — Рекомендации совместной рабочей группы Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН по формулированию вопросов о языке в переписи 2010 г. Москва, 20 февраля 2007 г. Рукопись.
- Собрание 1917 — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 12. Пг., 1917. № 12.
- Соколовский* 2004 — *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Тишков* 2003 — *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 161. М., 2003. С. 25–35.
- Arel* 2002 — *Arel D.* Language categories in censuses: backward- or forward-looking? / Eds. D. Arel, D.I. Kertzer. Census and Identity: the Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. Cambridge: University Press, 2002. P. 92–120.
- Blank* 1988 — *Blank S.* The Origins of Soviet Language Policy 1917–21 // Russian History. 1988. Vol. 15. № 1. P. 71–92.
- Lévy* 1964 — *Lévy P.M.* Quelques problèmes de statistique linguistique à la lumière de l'expérience belge // Revue de l'Institut de Sociologie. 1964. Vol. 37. P. 260–275.
- Silver* 1986 — *Silver B.* The Ethnic and Language Dimensions in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / Ed. R. Clem. Ithaca, N.Y.: Cornell UP, 1986.
- Silver, Anderson* 1984 — *Silver B., Anderson B.A.* Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // The American Political Science Review. 1984. Vol. 78. № 4. P. 1019–1039.
- Tebarth* 1991 — *Tebarth H.-J.* Geschichte der Volkszählung // Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 / Hrsg. H. Bauer, A. Kappeler, B. Roth. Vol. 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. S. 25–87.

Приложение

Рис.1

Фрагмент переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2002 г.
(блок вопросов о владении языками)

9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ

9.1 Владеете ли Вы русским языком?

да ☐ нет ☐

9.2 Какими иными языками Вы владеете?

	☐	☐	☐
	☐	☐	☐
	☐	☐	☐

Таблица 1

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Башкирии*

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Башкиры 1 221 302	Русские 14 907 15	Татары 990 702	Чуваши 117 317	Марийцы 105 829	Украинцы 55 249	Мордва 26 020	Удмурты 22 625	Лица других национальностей
Татарским	1 396 947	449 207	21 519	859 748	22 345	27 330	1197	919	8623	5981
Башкирским	1 056 871	912 204	14 765	109 799	9126	3548	556	323	2921	3570
Английским	149 324	36 667	61 833	42 146	1661	1241	1936	317	295	3194
Чувашским	98 488	1909	2400	2207	91 050	331	80	353	12	143
Лугово-восточным марийским (марийским)	95 405	3126	1396	1512	164	88 605	39	27	432	97
Немецким	64 900	15 198	24 440	17 373	1080	1053	1022	259	101	4 367
Украинским	25 719	417	4285	538	81	54	19 726	46	6	564
Удмуртским	21 475	1 336	270	495	8	217	10	9	19 102	28
Узбекским	19 602	5 151	717	8873	208	94	40	8	18	4493
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	19 394	93	1488	144	460	17	60	17 078	19	35
Горномарийским	3381	69	46	40	4	3 213	1	–	8	–

*Первая цифра в столбце под названием народа — численность в республике.

Таблица 2
Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Марий Эл

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Марийцы 312 178	Русские 345 513	Татары 43 377	Чуваши 7 418	Лица других национальностей
Русским	714 795	302 719	345 173	41 972	7394	-
Лугово-восточным марийским (марийским)	254 108	245 151	6009	2060	419	466
Татарским	40 632	2997	883	36 101	167	483
Английским	23 058	5239	15 633	1200	192	792
Горномарийским	18 056	17 825	135	7	71	18
Немецким	9953	3160	5709	456	126	500
Чувашским	5364	377	186	97	4691	12
Украинским	3765	135	933	35	9	2653
Французским	2317	683	1401	132	20	80
Удмуртским	1876	82	54	29	-	1710
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	663	11	34	1	1	616
Башкирским	279	58	5	64	2	150

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 3

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Мордовии

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Мордва 283 861	Русские 540 717	Татары 46 261	Лица других национальностей
Русским	880 399	280 238	540 491	45 259	–
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	248 899	240 285	7881	352	380
Татарским	43 825	237	601	42 769	218
Английским	16 717	3 248	11 970	790	709
Немецким	10 538	2 745	6 957	514	322
Украинским	3 546	106	821	30	2 589
Чувашским	749	9	27	9	704
Лугово-восточным марийским	123	2	5	1	115

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 4

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Татарстана

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Татары 2 000 116	из них: кря- шены 18 760	Русские 1 492 602	Чуваши 126 532	Удмур- ты 24 207	Украин- цы 24 016	Мордва 23 702	Марий- цы 1 887	Лица других националь- ностей
Русским	3 613 788	1 858 238	17 613	1 482 006	119 853	22 416	23 877	23 477	18 041	—
Татарским	т01 4517	1 884 44т	17 41т	64 143	т5 369	9633	1064	1387	6563	т1 891
Английским	136 480	70 487	454	58 959	1509	т41	114т	т38	344	3553
ЧЗвашским	119 80т	660т	57	3111	109 49т	154	7т	т1т	т7	13т
Немецким	45 5т0	т1 153	т11	т0 т3т	909	140	5т5	165	т10	т183
УдмЗртским	т3 т86	1073	т7	780	85	т1 157	16	6	115	54
Мордовским (мокшанским и эрзянским)я	т0я97я	т97я	6я	1454я	387я	5я	19я	18я40я	34я	61я
Украинскимя	18я10я	1101я	9я	4я15я	67я	5я	1тя61я	18я	14я	6т9я
ЛЗгово- восточными марийскими	15я35я	837я	13я	474я	34я	46я	4я	10я	13я90я	40я
Башкирскими	11я65я	3961я	31я	107я	76я	15я	4я	1я	3тя	7569я

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 5

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Чувашии

Указавшие владение языком:	Численность владеющих соответствующим языком	Чуваши 889 268	Русские 348 515	Татары 36 379	Мордва 15 993	Лица других национальностей
Русским	1 267 455	850 276	347 986	32 642	15 952	–
Чувашским	797 162	763 242	16 647	14 609	855	1806
Английским	50 550	28 446	19 654	985	165	1299
Татарским	39 968	6566	569	32 507	103	223
Немецким	25 457	17 932	6400	331	121	672
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	12 766	342	760	18	11 616	30
Украинским	4726	456	1152	15	8	3095
Лугово-восточным марийским	1534	267	117	9	6	1135
Горномарийским	911	63	43	1	8	796

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Таблица 6

Сведения о владении языками в языковых и этнических сообществах Удмуртии

Указавшие владение языком	Численность владеющих соответствующим языком	Удмурты 460 584	Русские 944 108	Татары 109 218	Украинцы 11 527	Марийцы 8985	Бесер- мяне 2998	Лица других националь- ностей
Русским	1 556 784	453 243	941 665	108 136	11 515	8834	2 914	–
Удмуртским	354 824	330 801	15 600	4865	153	307	2 573	524
Татарским	89 689	3185	2422	80 963	35	599	141	2 343
Английским	52 069	6839	39 151	3970	606	129	49	1 321
Немецким	22 688	4011	15 469	1675	290	106	25	1 112
Украинским	7620	178	1940	71	5142	10	5	274
Лугово-восточным марийским	6981	126	191	83	8	6541	1	31
Азербайджанским	3666	34	111	63	2	8	–	3 448
Армянским	2975	34	87	9	7	3	–	2 835
Башкирским	2839	263	59	525	2	41	–	1 949
Чувашским	1741	9	78	40	1	1	–	1 612
Узбекским	1467	52	226	418	10	2	–	759
Белорусским	1388	18	211	9	38	–	–	1 112
Мордовским (мокшанским и эрзянским)	557	3	48	4	4	1	–	497
Горномарийским	257	11	12	7	–	227	–	–

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике.

Д.А. Функ

***Языки малочисленных тюркских народов
Южной Сибири и Европейская Хартия
региональных языков или языков меньшинств***

Ключевые слова: языки народов Сибири, шорцы, чулымцы, имплементация Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств в России

Размышления по поводу имплементации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (далее — Хартия) применительно к Российской Федерации, насколько можно судить по результатам недавних встреч в Москве европейских и российских чиновников и исследователей-экспертов, часто сводятся к необходимости дать ответ на следующий вопрос: “Насколько трудоемкой и затратной для России окажется эта самая имплементация?”. Вопрос, уверен, не праздный, особенно если учитывать угрожающе неудовлетворительную степень изученности некоторых языков или, скажем, число этих самых языков, несопоставимое ни с какой другой европейской страной. Но ведь к проблеме имплементации Хартии можно подходить и с несколько иных позиций. Я бы предложил сформулировать вопрос следующим образом: “Чем поможет имплементация этой Хартии тем языкам РФ, которые, действительно, несравнимо менее широко, по сравнению с государственным (государственными) языком, используются на территории проживания их ‘носителей’?”.

Попробуем хотя бы вкратце обрисовать ситуацию с языками малочисленных тюркских народов Южной Сибири, чтобы более отчетливо представить себе масштабы предстоящей работы (разумеется, если мы не собираемся просто наблюдать за тем, как эти языки один за другим выйдут из живого бытования). Ограничусь рассмотрением ситуации с языками шорцев в Кемеровской обл. и чулымцев в Томской области и Красноярском крае, которые, согласно оценкам лингвистов, входят в группу языков, находящихся под угрозой исчезновения. Такой выбор, насколько мне видится, позволит более или менее адекватно представить себе положение дел в целом со всеми сибирскими тюркскими языками в ситуациях отсутствия каких-либо форм автономии у “носителей” этих языков, т. е. охарактеризовать состояние таких языков, помимо шорского и чулымско-тюркского, как калмакского, телеутского, тофаларского, сойотского, и, до известной степени, некоторых иных языков этого региона.

Напомню читателям: и шорцы, и чулымские татары являются тюркскими народами. Численность первых, согласно данным переписи населения России 2002 г., составляет 13 975 чел. (из них 11 554 — в Кемеровской обл.), а вторых — всего 656 (484 — в Томской обл.). Число людей, декларировавших во время проведения этой переписи владение родным языком, составляло 6210 (44%) и 270 чел. (41%), соответственно (см.: www.perepis2002.ru). Согласно же экспертным оценкам лингвистов, процент людей, реально свободно владеющих этими языками, является значительно меньшим и составляет у шорцев менее 10% (по оценкам экспертов, даже на конец 1980-х гг.), а у чулымцев эти оценочные данные варьируют от 24 (данные 1996 г.: *Львова, Томилов* 2005: 170) до 10% (данные 2005—2008 гг.). Такого рода экспертные оценки, во всяком случае, в отношении шорского языка, не должны удивлять: 74% шорского населения в Кемеровской обл. — жители городов, что априори позволяет предполагать низкий уровень языковой компетенции хотя бы по причине отсутствия соответствующей языковой среды. Разумеется, степень владения этими языками оказывается более высокой в сельских регионах в местах компактного расселения этих этнических групп.

Шорский язык

В шорском языке, обычно относимом лингвистами к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской семьи языков (*Баскаков* 1981: 19—20) или считающимся особым языком, занимающим переходное место между ойратской и хакасской группами языков (*Menges* 1982: 72—74), выделяют мрасский и кондомский диалекты. “Каждый из них имеет разветвленную систему говоров: основные говоры кондомского диалекта — нижнекондомский с абашевским подговором, мундыбашский (каларский), антроповский, верхнекондомский, пызасский; основные говоры мрасского диалекта — нижнемрасский, томский, среднемрасский, кобырзинский, верхнемрасский с ортонским подговором; в настоящее время благодаря мобильности шорского населения идет процесс смешения говоров и нивелировки диалектных различий” (*Невская* 2005).

История академического изучения этого языка насчитывает к настоящему времени полтора столетия. Собраны и частично опубликованы значительные фольклорные материалы, включая записи бытовой речи¹: в меньшей степени это относится к кондомскому диалекту, т. к. практически все записи были сделаны в низовьях р. Мрас, что во многом и послужило обоснованным поводом для избрания в 1920-е гг. именно этого говора в качестве основы

шорского литературного языка. Лингвисты подтверждают факт наличия описаний многих фонологических и грамматических подсистем, но при этом вполне резонно сетуют на отсутствие как современной академической грамматики, так и академического шорско-русского словаря (Там же).

Шорский язык стал вновь преподаваться в Кемеровской обл. лишь в 1989 г., после практически 50-летнего перерыва. Введение факультативов в школах, написание первых учебных пособий по языку, подготовка учительских кадров на базе Новокузнецкого пединститута (в настоящее время — Кузбасская государственная педагогическая академия, КузГПА) в целом совпали по времени и потому довольно быстро принесли первые плоды. Начиная с 1990 г. для преподавания языка в школе были созданы и опубликованы букварь и учебники шорского языка для 2, 3, 4 и 5–6 классов, а также методические указания, несколько книг для чтения и школьный двуязычный словарь. И все бы ничего, но даже при том, что шорский язык к середине 2000-х гг. преодолел кружковый барьер и был включен в школьную учебную программу, на его изучение в школах больше одного часа в неделю так и не было выделено. Такой подход к изучению языка — а для большинства шорских ребятишек это иностранный язык — абсолютно лишен смысла и заведомо не имеет перспектив. Не хватало не только учебного времени, но и методических пособий. “Программу обучения составляем сами, наглядные пособия также делаем своими руками. Буквы, азбука, раздаточный материал — всё самодельное”, — так пишет о своей работе молодая учительница шорского языка Чувашинской начальной общеобразовательной школы² Н.В. Бельчегешева. Впрочем, многое, разумеется, зависело и зависит от преподавателя. Та же Н.В. Бельчегешева смогла заинтересовать ребятишек: “На уроке стараюсь разговаривать только на шорском языке. Даже если некоторые слова не понимают, главное чтобы они хоть одно слово да запомнили, так легче приумножить словарный запас. Провожу открытые уроки, игры, классные часы, праздники, КВН, инсценируем сказки, совершаем экскурсии в краеведческий музей, на природу... За год моей работы в школе ребята выучили шорские поговорки, пословицы, песни, прочли шорские легенды, сказки” (Бельчегешева 2005).

Общее число школ, где дети имеют возможность хотя бы в таком усеченном варианте приобщаться к основам шорского языка, в целом невелико: в последние два десятилетия оно никогда не превышало семи–восьми. По официальным данным за 2004/2005 учебный год, размещенным на сайте Центра национальных проблем образования Федерального института развития

образования, сведения об этих школах и их учащихся выглядят противоречиво. В одной из таблиц (№ 3) показано, что таковых школ было всего шесть и шорский язык как предмет в них изучали 125 учащихся 1–4 классов, 189 – 5–9 классов и 9 чел. – 10–11(12) классов, всего 323 ученика. Из данных другой таблицы (№ 4) следует, что в Кемеровской обл. шорский язык преподавался в восьми школах, один – в городе и семь – в сельской местности, а училось в них 355 чел. (*Кузьмин, Артеменко 2007*).

Следует заметить, что неудовлетворительное положение с изучением шорского языка вызывает озабоченность и у различных организаций, в том числе на областном уровне. Так, в августе 2008 г. в г. Таштаголе при поддержке Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской обл. был проведен “круглый стол” “Модель школы с этнопедагогическим и национально-языковым (шорским и телеутским) компонентами”, на котором не только анализировалась ситуация с языками аборигенного населения области (“за последние годы значительно ухудшилась ситуация со школами в селах компактного проживания шорцев, снижается желание детей учить шорский язык, да и самих носителей языка с каждым годом становится все меньше” – *Чайковская 2008*), но и предлагались вполне конкретные шаги по ее оптимизации. В частности, при поддержке КузГПА “планируется создать особую воспитательную среду, способствующую формированию у детей чувства собственного национального достоинства и самосознания, направленные на повышение мотивации к изучению собственной самобытной древней истории и культуры” (www.gairon.org).

Коль скоро речь зашла о вузовской подготовке, можно отметить, что начиная с 1989 г. на факультете русского языка и литературы КузГПА ведется подготовка молодых специалистов по такой уникальной специальности, как “Шорский язык и литература” (код по ОКСО 050302). Первый выпуск специалистов с квалификацией “учитель русского языка и литературы, учитель шорского языка и литературы” состоялся в 1994 г., и с тех пор выпуск происходит ежегодно. По состоянию на 2005 г. кафедра подготовила 97 человек; в том же году на пяти курсах по данной специальности обучалось еще 57 человек (*Шенцова 2005*). Даже при том, что в 2002 г. в аспирантуре КузГПА была открыта специальность 10.02.02 “Языки народов России (шорский язык)”, очевидно, что число выпускников многократно превышало имевшиеся в Кемеровской области возможности для трудоустройства по данной специальности. Полагаю, что именно это, наряду с большой учебной и психологической

нагрузкой в школах и непропорционально низкой заработной платой учителей, не осталось незамеченным молодежью, что привело к постепенному падению интереса к этой специальности со стороны абитуриентов. И хотя, по информации на сайте КузГПА, на 2010-й год открыт прием на специальность 050302 (www.kuzsra.ru), в прошлом году руководство вуза обсуждало возможность закрытия кафедры шорского языка и литературы “за отсутствием спроса на эту специальность”. О реальности развития событий по этому сценарию говорит и такой факт, признаваемый самими учащимися и выпускниками данной кафедры, как то, что “из выпускников единицы преподают шорский язык, так как просто-напросто *не знают его* (курсив мой. – Д.Ф.)” (Тунекова 2009: 75). Но оставим пока в стороне методики обучения шорскому языку, применяемые в среднем и высшем образовании в Кемеровской области, и результативность обучения с опорой на такие методики.

Важно отметить, что шорский язык продолжает свое существование и как литературный язык, на котором создаются художественные прозаические и поэтические произведения, регулярно публикуемые как в виде книг, так и в средствах массовой информации. Число пишущих на этом языке оказалось достаточным даже для образования собственной шорской секции при Хакасском отделении Союза писателей России.

Применительно к обсуждаемой нами проблеме имплементации Хартии в РФ важно подчеркнуть, что в случае с шорским языком существует солидная как исследовательская, так и педагогическая база, имеется собственная литература, записаны уникальные фольклорные материалы, подготовлено несколько квалифицированных учителей этого языка (владеющих шорским либо как родным, либо, по европейской шкале CEF, на уровне, по меньшей мере, B2), а также специалистов-лингвистов, кандидатов и докторов наук. Впрочем, всё это — на фоне неуклонного сужения функций шорского языка и падения его престижа.

Напомню, что для ратификации Хартии принимающая ее сторона должна взять на себя обязательства применять в своей деятельности все положения второй части, а в отношении особо оговариваемых языков также следование, по меньшей мере, 35 пунктам или подпунктам третьей части Хартии. Что же мы имеем в случае с шорским языком? Все или практически все цели и принципы, декларируемые во второй части Хартии, применимы и вполне отвечают современному положению шорского языка. Более того, даже если мы ограничимся лишь ст. 8, 11 и 12 третьей части, то без особых проблем на-

берем, как минимум, половину пунктов от требуемого Хартией числа. С одной стороны, это свидетельствует о значительном заделе, имеющемся в РФ применительно даже к таким языкам меньшинств, каковым является шорский язык. С другой же стороны, это наглядно говорит о том, сколько еще предстоит сделать для того, чтобы начать, наконец, приближаться к развитым европейским государствам в процессе обеспечения прав своих граждан пользоваться региональными языками / языками меньшинств.

Чулымско-тюркский язык

Чулымско-тюркский язык — это самостоятельный тюркский язык смешанного типа с преобладающими уйгурскими и кыпчакскими чертами. Как и шорский язык, чулымско-тюркский относят к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской семьи языков (напр., см.: *Баскаков* 1981: 19–20) или же считают связующим звеном между хакасской группой и западно-сибирскими тюркскими языками (*Menges* 1982: 72–74). Выделяются два диалекта: нижнечулымский и среднечулымский, различия между которыми подробно описаны и проанализированы в работах Р.М. Бирюкович (*Бирюкович* 1979, 1979а, 1981). “Кюэрикское наречие”, материалы по которому в середине XIX в. собирались В.В. Радловым, более не существует. Значительная часть тюркских этнических групп, чей язык мог бы быть включен на правах говоров или диалектов в чулымский язык, была ассимилирована преобладающим славянским населением, так и оставшись необследованной лингвистами (см., напр.: *Функ* 1993).

“В настоящее время бо́льшая часть чулымско-тюркского населения сосредоточена на Среднем Чулыме, в Тегульдетском р-не Томской области... По данным хозяйственных книг Белоярского и Тегульдетского сельсоветов Тегульдетского р-на за 1978–1980 гг., чулымцев около 560 человек; свыше половины их жило в районном центре Тегульдет, остальные — в поселках Белый Яр, Ново-Шумилово, Верх-Скоблино, Берегаево и др. Общая численность семей, в составе которых были представители чулымских тюрков, — 295, из них большая часть — 191 семья — однонациональны по составу, а 104 — национально-смешанные.

Небольшая группа чулымских тюрков в конце 1960-х гг. жила в Тюхтетском р-не Красноярского края в поселках Пасечное, Чиндат, Кохтенево, Тюляпеты, Амочеево, Кульбень, Костино. Последние 4 поселка в 1970–1971 гг. запустили, и их немногочисленное население разъехалось (*Львова и др.* 2005: 125).

В случае с чулымско-тюркским языком, увы, обо всем приходится говорить лишь с использованием частицы “не”. Несмотря на довольно длительную историю изучения, язык чулымских тюрков — во многом из-за низкого уровня эрудиции молодых исследователей, а также вынужденной грантовой стратегии, поощряющей немотивированные заявления о “неизученности” чего-либо — оказывается окруженным ореолом загадочности и неизученности, порой даже с налетом анекдотичности. Так, февральская 2004 г. дискуссия о чулымском языке на портале LanguageHat началась с цитирования заявления К.Д. Харрисона на сайте Swarthmore Linguistics Department (www.swarthmore.edu): “Мы отправились исследовать язык, в отношении которого даже не было уверенности в его существовании... Он был неверно идентифицирован и ошибочно смешан в кучу с другими языками в России, исходя из удобства и политических причин, и мы даже не знали, остались ли еще люди, говорящие на этом языке. Никто из исследователей не был у них в последние 30 лет, и никто не записал ни единого слова этого языка”³.

Впрочем, как сказано выше, порой все выглядит еще более комично — либо на уровне анекдотов от армянского радио о “лексический нищете” чулымского языка, в которую повергает его надвигающийся на Россию капитализм (комментарий Дж. Харди от 5 февраля 2005 г.; www.swarthmore.edu), либо не менее анекдотичных утверждений о том, что “после завоевания и присоединения Западной Сибири к России в XVI в. одна группа барабинских татар отправилась на запад и присоединилась к другим тюркам, живущим в бассейне р. Чулым” (АКЫН 2010: 97)⁴.

Оставим в стороне такого рода публикации и обсуждения и попробуем посмотреть на сферу использования данного языка.

На территории Тегульдетского р-на Томской обл., по официальным данным, в 2006 г. проживало 474 чел., относящихся к числу коренных малых народов Сибири (КМНС). При этом прогнозировалось их сокращение до 404 чел. в 2007 г. с постепенным увеличением численности до 425 чел. в 2012 г. (Программа... 2007: 45). Из намеченных на шесть лет мер по “самобытному социально-экономическому и культурному развитию коренных малочисленных народов Севера” языка касается один пункт программы: “Организация издательской работы на языке КМНС” (Программа... 2007: 60). Анализ школьных программ / учебных планов 2009/2010 учебного года всех школ Тегульдетского р-на⁵ свидетельствует об отсутствии преподавания чулымско-тюркского языка в какой-либо форме. И в связи с этим возникает резонный

вопрос о том, кто, как и на какой основе будет вести эту самую издательскую деятельность “на языке КМНС”?

Что же касается языковой компетенции томских чулымцев, то судить о ней представляется возможным разве что по данным зарубежных исследователей. Согласно наблюдениям упоминавшего выше американского лингвиста, в начале 2000-х гг. из 425 членов этого “племени” лишь 35–40 человек свободно владели этим языком⁶ (реплика К.Д. Харрисона на портале LanguageNat от 4 февраля 2004 г.), а по данным группы корейских лингвистов 2005 г. — не более 20 чел. (см.: *Акын* 2010: 98).

По данным 2007–2008 гг., в д. Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края из примерно 200 жителей 65% составляли чулымцы. Самой молодой “носителнице” чулымско-тюркского языка в 2008 г. было 48 лет. Идея начать преподавание родного языка в д. Пасечное принадлежит местному жителю А.Ф. Кондиякову имеющему 8 классов образования, на занятия к которому в первый год собиралось до трех десятков взрослых односельчан, на второй год — под предлогом того, что в школе, где проходили занятия, должны заниматься не взрослые, а дети, — язык стали учить ребяташки (в т. ч. и русские), а на третий год (2008-й?) по причине отсутствия такого языка в программе Федерального агентства по образованию эту инициативу и вовсе заглушили. В условиях отсутствия учебников, методических пособий, словаря, преподавание строилось лишь на инициативе учителя, не имеющего специальной подготовки. Отсюда неудивительно, что именно учитель пытается “изучать традиции своего народа — чулымцев — и развивать — сохранять, записывать — свой родной чулымский язык *при помощи придуманной им орфографии* (курсив мой. — Д.Ф.) на основе русского алфавита” (реплика Валерии Лемск(ой) от 21 февраля 2009 г. на портале Lingvoforum: <http://lingvoforum.net>). Им же был создан и букварь: “Пришлось долго переводить на чулымский и записывать слова, вырезать картинки из газет и приклеивать в самодельную азбуку” (*Змановская* 2008).

Очевидно, что чулымцы с их языком являют собой один из ярких примеров отсутствия всего и вся. Нет учебников, равно как нет и часов школе для изучения этого языка, нет методических пособий, равно как нет и словарей, нет учителей, равно как нет и университетского центра, где бы такие учителя готовились. Рассуждать на этом фоне об отсутствии “издательской работы на языке КМНС” или, скажем, радио- или телевидения на чулымско-тюркском языке просто не имеет смысла.

Таким образом, если в целом рассматривать ситуацию с чулымско-тюркским языком, то придется признать, во-первых, абсолютно катастрофическое его положение, во-вторых, необходимость срочного принятия мер по его изучению и ревитализации. Закрывать на это глаза, твердя, что страна еще не готова к имплементации Хартии (ну чем тут чулымско-тюркский язык не пример?!), значит обрекать языки, подобные чулымскому, на полное исчезновение.

В начале этой заметки было сказано, что выбор лишь двух языков позволит нам представить положение дел со всеми сибирскими тюркскими языками, “носители” которых не имеют каких-либо автономий. Для того чтобы расположить названные нами языки на некой шкале, введем несколько параметров, по которым можно будет оценивать уровень защищенности языка. В качестве таковых параметров я бы предложил следующие: 1) архивы и публикации фольклорных материалов, 2) лингвистические исследования данного языка вкупе с этнологическими работами об истории и культуре данной этнической группы, 3) словари, 4) учебники и учебные пособия по языку и литературе для начальной и средней школы, 5) преподавание данного языка в школе, 6) преподавание в школе на данном языке всех или хотя бы основных гуманитарных предметов, 7) изучение языка и подготовка учителей в вузах (с уточнением — подготовка в местах компактного проживания данной этнической группы или же только в “столицах”, например, в Санкт-Петербурге), 8) художественная литература (собственная и переводная) на своем языке, 9) СМИ, в том числе радио- и/или телевидение, на этом языке. Критериев таких может и, если следовать предложениям Хартии, должно быть существенно больше, но применительно к рассматриваемой нами ситуации с тюркскими языками в Сибири и названных девяти пунктов вполне достаточно.

Так вот, если мы попробуем расположить упоминавшиеся нами языки на отрезке, постепенно продвигаясь вправо от нулевой точки, то окажется, что практически все они будут группироваться где-то около нулевой отметки. Это касается чулымско-тюркского и калмацкого языков, где нет ни словарей, ни букварей. Это же относится и к телеутскому языку, учителя которого, несмотря на длительную историю изучения языка и наличие значительных по объему архивов (подробно см.: Телеутский фольклор 2004), в настоящее время⁷ ничем, кроме маленьких учебных словариков, букваря, разговорника (см.: Функ 2005) и недавно изданного симпатичного учебного пособия по этому языку для русскоязычных (Токмашев, Токмашев 2008), не располагает. Не

намного лучше ситуация с тофаларским и сойотским языками, где только в последние годы, причем стараниями лишь одного специалиста, проф. В.И. Рассадина, были созданы и школьные словари, и буквари, и книги для чтения в первых классах школы и даже подготовлены учителя этих языков (*Рассадин, Шибкеев* 1989, 1990; *Рассадин* 1994, 1995; *Легенды...* 1996; *Словарь...* 2006; *Букварь...* 2009). Готовить учителей по названным языкам негде. Разве что телеутские выпускники школ могут поступать учиться на шорскую кафедру в КузГПА⁸ или же на филологический факультет Горно-Алтайского государственного университета⁹.

Сказанное выше о тюркских языках Сибири можно было бы расширить, включив в наш обзор рассказ о состоянии языков кумандинцев, челканцев и тубаларов Степного и Северного Алтая, долган Таймыра, или, скажем, хакасов-качинцев, живущих за пределами Республики Хакасия. Можно было бы выйти и за пределы тюркского мира и рассказать о трагедии таких сибирских языков, как, например, удэгейский, ульчский и орочский в Хабаровском крае или же язык уйльта на Сахалине, язык южных селькупов Томской обл. или же нивхский язык в Хабаровском крае и на Сахалине¹⁰. Этот перечень можно продолжать, но, думается, и сказанного вполне достаточно, чтобы представить себе и значительный разрыв в современном положении части языков сибирских аборигенов с положениями даже второй части Хартии, и, следовательно, огромное поле научных, научно-прикладных, педагогических исследований, открывающееся перед нами. Очевидно, что даже на волне активизации национально-культурных движений за два десятилетия существования постсоветской России людям так и не удалось в полной мере решить проблему защиты, сохранения и развития родных языков. И если мы сами не можем этого сделать — потому что не умеем, не знаем как, потому что нет денег и потому что не хотим, в конце концов, — то может быть, настала пора обратиться к опыту, накопленному нашими соседями? Ратификация Российской Федерацией Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, уверен, станет не только важным свидетельством, но и залогом продвижения нашей страны по пути реальной демократизации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Наиболее крупные рукописные, аудио- и видео-коллекции шорских фольклорных материалов собраны Н.П. Дыренковой

(Архив НИИ МАЭ РАН), С.С. Торбоковым (архивы Государственного Литературного музея, Института алтаистики Респуб-

лики Алтай, Хакасского НИИ языка, литературы и истории, Новокузнецкого музея им. Ф.М. Достоевского), А.И. Чудояковым (архив кафедры шорского языка и литературы КузГПА), Л.Н. Арбачаковой, Д.А. Функом.

² Начальная школа, в которой постоянно работают два учителя, до конца 2007 г. находилась на балансе Чувашинского сельского совета. После ликвидации этого сельсовета (согласно Закону об административно-территориальном устройстве Кемеровской обл. № 215-03 от 26 декабря 2007 г.), входившие в него населенные пункты были переданы в непосредственное подчинение г. Мыски.

³ Текст в оригинале: "We went looking for a language we weren't sure even existed... It had been misidentified and falsely lumped together with other languages in Russia for convenience and political reasons, and we didn't know if any speakers were left. No scientists had visited them in 30 years, and no one had ever recorded a single word of the language". Пер. на рус. яз. мой. — Д.Ф.

⁴ Если даже предположить, что эта группа барабинских татар избрала для продвижения на запад наиболее короткий путь, то мы будем вынуждены констатировать, что ей

пришлось преодолеть около 40 тыс. км и пересечь два океана.

⁵ На сегодняшний день это 11 муниципальных образовательных учреждений: четыре — начальные, четыре — средние и три — основные общеобразовательные школы.

⁶ Текст в оригинале: "They recently regained their ethnic status and registered as a 'tribe' with 426 members (only 35 to 40 people still speak the language fluently)".

⁷ О том, как было организовано факультативное преподавание телеутского языка в средней школе с. Беково Беловского р-на Кемеровской обл. см.: *Funk* 2008: 285–289.

⁸ Честно говоря, не знаю ни одного телеута из закончивших эту кафедру, кто свободно говорил бы по-телеутски или по-шорски.

⁹ В случае выбора специализации по алтайскому языку и литературе здесь готовят специалистов с присуждением квалификации "Филолог. Преподаватель" или же "Учитель алтайского языка и литературы, русского языка и литературы" (www.gasu.ru).

¹⁰ Об обеспеченности языков коренных малочисленных народов Севера учебниками и учебными пособиями по состоянию на 2004/2005 учебный год, напр., см.: *Кузьмин и др.* 2005.

Литература:

Акын 2010 — *Акын Л.* [рец.] Li Young-Song, Li Ho-Young, Choi Hyong-Won, Kim Geong Sook, Lee Dong Eun, Mehmet Cilmez. A Study of the Middle Chulym Dialect of the Chulym Language. Altaic Languages Ser. 3. Seoul, 2008. 260 p. // Российская тюркология. 2010. № 2. С. 97–99.

Баскаков 1981 — *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Бельчегешева 2005 — *Бельчегешева Н.В.* Организация преподавания родного языка для шорских детей в школе: из опыта работы в Чувашинской начальной общеобразовательной школе // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.iea.ras.ru>

Бирюкович 1979 — *Бирюкович Р.М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

Бирюкович 1979а — *Бирюкович Р.М.* Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. М., 1979.

- Бирюкович* 1981 — *Бирюкович Р.М.* Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981.
- Букварь...* 2009 — *Букварь: учебное пособие по сойотскому языку для учащихся 1 класса / Авт.-сост. В.И. Рассадин.* СПб., 2009.
- Змановская* 2008 — *Змановская Е.* Чулымцы возрождают родной язык // <http://krasnoyarsk.rfn.ru>
- Кузьмин, Артеменко* 2007 — *Кузьмин М.Н., Артеменко О.И.* Справка о языках народов Российской Федерации и о языках, в отношении которых в России может применяться Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 г. // <http://inpro-rus.ru>
- Кузьмин и др.* 2005 — *Кузьмин М.Н., Насилов Д.М., Артеменко О.И.* Родные языки коренных малочисленных народов Севера в контексте реформирования системы образования // *Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения.* <http://lingsib.iea.ras.ru>
- Легенды...* 1996 — *Легенды, сказки и песни седого Саяна. Тофаларский фольклор / Записал и перевел с тофаларского В.И. Рассадин.* Иркутск, 1996.
- Львова, Томилов* 2005 — *Львова Э.Л., Томилов Н.А.* Современное этническое развитие [чулымцев] // *Тюркские народы Сибири.* М., 2005. С. 168–170.
- Львова и др.* 2005 — *Львова Э.Л., Томилов Н.А., Функ Д.А.* Общие сведения [о чулымцах] // *Тюркские народы Сибири.* М.: Наука, 2005. С. 125–133.
- Невская* 2005 — *Невская И.А.* Шорский язык // *Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения.* <http://lingsib.iea.ras.ru>
- Программа...* 2007 — *Программа социально-экономического развития муниципального образования “Тегульдетский район” Томской области на 2007–2012 годы.* Тегульдет, 2007 (<http://teguldet.tomsk.ru>).
- Рассадин, Шибкеев* 1989 — *Рассадин В.И., Шибкеев В.Н.* Тоъфа букварь: Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. Иркутск, 1989.
- Рассадин, Шибкеев* 1990 — *Рассадин В.И., Шибкеев В.Н.* Сылтысчык (Звездочка). Книга для чтения в 1-м классе тофаларских школ. Иркутск, 1990.
- Рассадин* 1994 — *Рассадин В.И.* Төрээн соот (Родное слово). Книга для чтения во 2-м классе тофаларских школ. Иркутск, 1994.
- Рассадин* 1995 — *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.
- Словарь...* 2006 — *Словарь сойотско-русский: около 4500 слов: учебное пособие для учащихся средней школы / Сост. В.И. Рассадин.* СПб., 2006.
- Телеутский фольклор* 2004 — *Телеутский фольклор / Сост., вступ. ст., запись, пер. на рус. яз. и коммент. Д.А. Функа.* М., 2004.
- Токмашев, Токмашев* 2008 — *Токмашев М.Г., Токмашев Д.М.* Теленет тили. Телеутский язык: учебное пособие по телеутскому языку для русскоязычных. Кемерово, 2008.
- Тунекова* 2009 — *Тунекова Е.* О высшем образовании для коренных народов // *Мир коренных народов – Живая Арктика. Спецвыпуск “Молодой абориген”.* Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 2009. № 23. С. 75–76.

- Функ* 1993 — *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993 (Матер. к сер. “Народы и культуры”. Вып. 17. Кн. 2).
- Функ* 2005 — *Функ Д.А.* Библиография работ по телеутскому языку // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.iea.ras.ru>
- Чайковская* 2008 — *Чайковская Е.* В Шории обсудили проблемы сохранения малокомплектных школ и родного языка // www.raipon.org, публикация от 4.09.2008.
- Шенцова* 2005 — *Шенцова И.В.* Изучение родного языка в условиях вузовского и послевузовского образования шорской молодежи // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. <http://lingsib.iea.ras.ru>
- Funk* 2008 — *Funk D.* Teleuts, Interviews and Preparation of Summaries by D.A. Funk // *Sillanpää L.* Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium. Helsinki, 2008. P. 278–292.
- Menges* 1982 — *Menges K.H.* Die sibirischen Turksprachen // Handbuch der Orientalistik / Hrsg von B. Spuler. Erste Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. 5. Altaistik. Abschnitt 1. Turkologie. Leiden/Köln, E.J. Brill, 1982. S. 132–178.

Н.А. Мамонтова

Языки коренных малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия

В соответствии с нормами Хартии ратифицировавшие ее государства обязаны применять положения части II ко всем региональным языкам или языкам меньшинств на их территориях, а также выбрать как минимум 35 параграфов или абзацев из части III для отдельно указанных языков. Это положение обеспечивает участникам определенную свободу в выборе мер для реализации более успешного языкового планирования, что особенно удобно для учета специфики языковых ситуаций в условиях многоязычной России. Однако выбор мер необходимо произвести *до ратификации Хартии*. Государство самостоятельно составляет список языков, к которым будут применяться положения части III, отобранные в соответствии с названными правилами. По всей видимости, в первую очередь в этот список попадут государственные языки республик, статус которых предопределяет их высокую степень защиты и признания по сравнению с остальными языками.

Сложным является вопрос о языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – КМНС): осуществима ли в обозримой перспективе их защита положениями части III Хартии? Обширная территория проживания большинства КМНС, обусловленная их хозяйственной деятельностью, а также культурные особенности, зачастую не дают нам возможности адекватно оценить состояние того или иного языка в целом – нужно исследовать языковую ситуацию в каждом отдельном регионе, районе, и даже в конкретном поселке или стойбище, не говоря уже о проблеме сохранности этнических языков в городах. При этом языки КМНС получают меньше государственной поддержки, чем языки республик.

Особенности функционирования языков КМНС неоднократно освещались в научной литературе (*Казакевич, Кузнецова 1992; Казакевич 1997; Малочисленные народы 1997; Бuryкин 1997; Northern minority 1997; Казакевич, Парфенова 2000; Вахтин 2001a, б и многие другие*). Основными справочными изданиями, содержащими социолингвистические данные по языкам КМНС, можно назвать серию “Языки мира” (Уральские языки 1993; Палеоазиатские языки 1997; Монгольские языки 1997, Письменные языки 2003; Языки народов России 2002 и другие). Действует информационный портал “Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения”, на котором находится описание 28 сибирских языков и библиография по этим языкам¹. Работа по документации языков КМНС и их комплексное изучение в

России ведется в Научно-исследовательском вычислительном центре МГУ² им. М.В.Ломоносова, на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, в Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ, в Институте филологии СО РАН в Новосибирске и в других региональных отделениях РАН. Кроме того, проекты по документации и изучению языков КМНС поддерживают многие специализированные зарубежные научные и частные фонды. Однако, несмотря на большие достижения в этой области, решение о включении языков КМНС в список языков защищаемых частью III Хартии потребует дополнительной оценки их современного положения.

В данной работе я подробно проанализирую функционирование эвенкийского языка в илимпийской группе поселений Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края³, привлекая в качестве дополнительной информации материалы по нивхскому языку, полученные в Ногликском р-не Сахалинской области⁴. Оба языка относятся к языкам КМНС и находятся, по оценкам экспертов ЮНЕСКО, как и многие другие языки КМНС, под угрозой исчезновения (Interactive Atlas). В своем анализе я попытаюсь на микроуровне показать специфику и некоторые проблемы функционирования названных языков, что, возможно, сделает более очевидным то, какие положения Хартии будет целесообразней всего применить в отношении этих языков. Мне хотелось бы обратить внимание не только на представленную статистику, но и на приводимые в этой работе высказывания опрошенных мною людей, которые служат ценной дополнительной информацией, позволяя рассмотреть многие аспекты ситуации, не поддающиеся формальному статистическому учету.

Этническая идентичность и “родной язык”

Говоря о языках в социологическом аспекте, мы подразумеваем языковые сообщества, состоящие из носителей этих языков. Под языковым сообществом понимается *любая человеческая совокупность, характеризующаяся регулярным и постоянным взаимодействием с помощью всеми разделяемой системы речевых знаков и противопоставляемая всем прочим подобным совокупностям по существенным отличиям языкового пользования* (Gumperz 1971: 114).

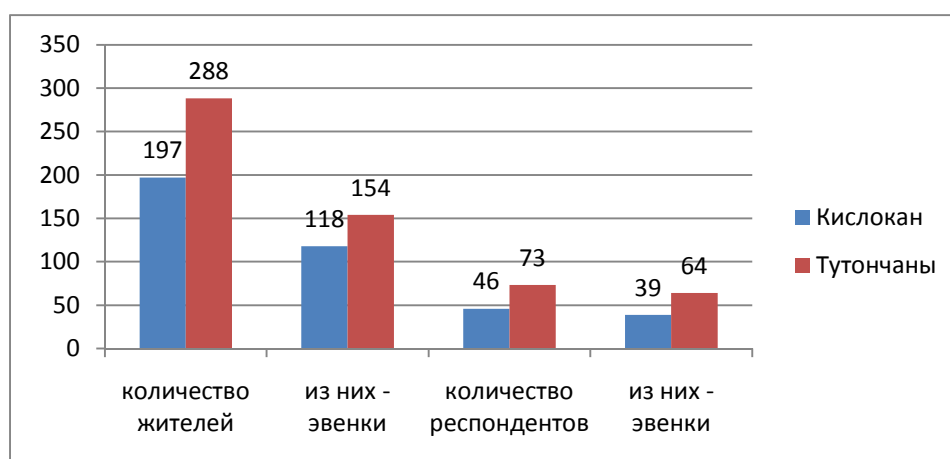
Важными характеристиками языковых сообществ выступают такие переменные как этническая идентичность и языковая самоидентификация говорящего (в данном случае меня будет интересовать то, какой язык респонденты называют в ответе на вопрос “*Назовите Ваш родной язык*”).

Проведенный социолингвистический опрос в поселках Тутончаны и Кислокан Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края охватил 118 респондентов преимущественно из числа КМНС. Этнический состав жителей поселков был определен на основе ответов на вопрос анкеты “Укажите Вашу национальность”. Некоторые респонденты затруднялись дать ответ на этот вопрос; основным мотивом их сомнений выступало незнание эвенкийского языка. У многих опрошенных преобладала установка, согласно которой можно быть представителем только одной культуры, одного народа, поэтому, в конечном итоге, они старались дать определенный ответ, и только три человека отметили, что ощущают себя представителями одновременно двух культур — русской и эвенкийской, эвенкийской и якутской.

Для жителей обоих поселков эвенкийский язык является одним из факторов этнической самоидентификации. В анкете вопрос был сформулирован как “Укажите Ваш родной язык”. Эксперты отмечают существование множества определений термина “родной язык”. Критериями для выделения родного языка из всех прочих, которыми владеет человек, могут быть следующие: самобытность; первый из изучаемых языков; компетентность — язык, которым человек владеет лучше всего; функциональность — язык, который используется чаще всего; идентификация — язык, с которым человек отождествляет себя (*Skutnabb-Kangas* 2000: 106).

Рис.1

Этнический состав поселков Кислокан и Тутончаны

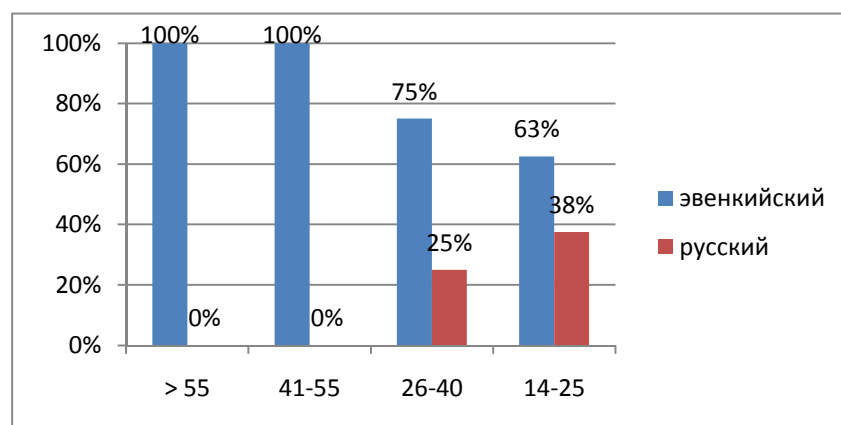

Несмотря на то, что для старшего и частично среднего поколения опрошенных эвенков эвенкийский язык является первым языком, и многие из них до интерната разговаривали только на эвенкийском языке, в настоящий момент можно утверждать, что лишь критерий идентификации продолжает оставаться значимым, а для младшего поколения — фактически единственным. Даже признавая недостаточно хорошее владение эвенкийским языком, большинство респондентов во всех возрастных группах все же подчеркивали, что именно эвенкийский язык, будучи языком предков, рассматривается ими как родной. Таким образом, язык выступает в качестве еще одного маркера этнической принадлежности наряду с традиционным образом жизни, расовым типом и другими характеристиками.

Однако наличие процента людей, считающих родным языком только русский, и его возрастание в последней (14–25 лет) из анализируемых возрастных групп респондентов, свидетельствует о появлении тенденции того, что язык постепенно перестает быть необходимым элементом этнической идентичности.

Рис. 2

Ответы эвенков поселка Тутончаны на вопрос “Укажите Ваш родной язык”

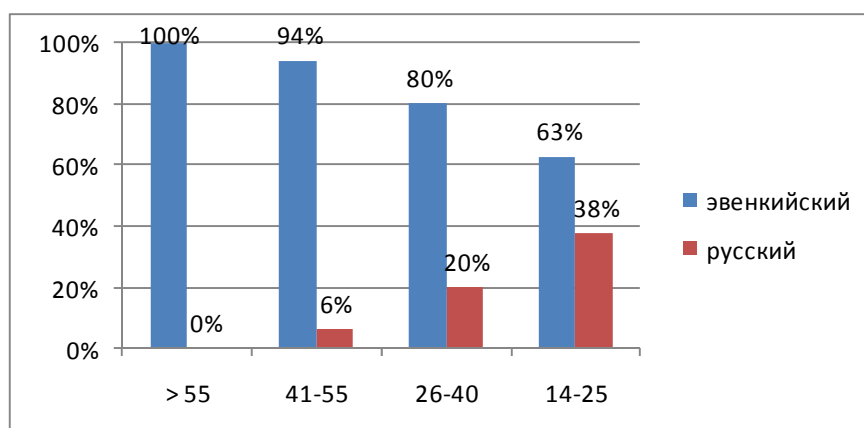

При этом только трое из всех опрошенных эвенков назвали два языка (эвенкийский и русский) в качестве родного. Некоторые люди в ходе беседы были склонны сомневаться и даже менять свой ответ на вопрос о родном язы-

ке. С одной стороны, это связано с тем, что в обычной жизни люди не часто задумываются о том, какой язык для них является родным, т. е. сама постановка вопроса побуждала к размышлениям на эту тему. С другой стороны, восприятие себя как представителя эвенкийской культуры иногда предопределяло ответ респондентов, который они сами формулировали так: “раз я эвенк, то мой родной язык – эвенкийский”. Стоит также учитывать и экономические соображения представителей КМНС в выборе того или иного языка, их опасения дать “неправильный” ответ и, тем самым, ухудшить свое положение. Можно предположить, что подобная установка особенно ярко проявляется во время проведения переписи населения.

Рис.3

Ответы эвенков поселка Кислокан на вопрос “Укажите Ваш родной язык”

Показателен пример с ответами пяти респондентов — детей от смешанного якутско-эвенкийского брака. Представляю для наглядности их ответы в виде таблицы:

Пол	Год рождения	Указанная национальность	Указанный в качестве родного язык	Другие языки
Мужской	1946	якутя	русскийя	я
Мужскойя	1949я	эвенкя	эвенкийскийя	я
Мужскойя	1957я	якутя	эвенкийскийя	якутскийя
Женскийя	1955я	якутка/эвенкая	якутский/эвенкийскийя	я
Женскийя	1960я	эвенкая	эвенкийскийя	я

В рассматриваемом мной случае, как и во многих других, полученные данные отражают по большей части только представления людей о своем родном языке, но ничего не говорят нам об их знании и степени владения тем или иным языком, как и о сферах функционирования языка. Человек может свободно владеть эвенкийским языком, но указать в анкете только русский в качестве своего родного языка. При этом доминирующая установка людей, согласно которой человек должен быть представителем только одной культуры, распространяется и на язык. Именно поэтому только дополнительные вопросы и непосредственное наблюдение могут действительно выявить сферы и интенсивность употребления языка в рассматриваемом сообществе.

Существенным показателем того, что язык “живет”, является активное его использование в повседневной коммуникации, как в синхронном (сферы функционирования языка), так и в диахронном (употребление языка в исторической перспективе) аспектах.

Функционирование языка и сферы его использования

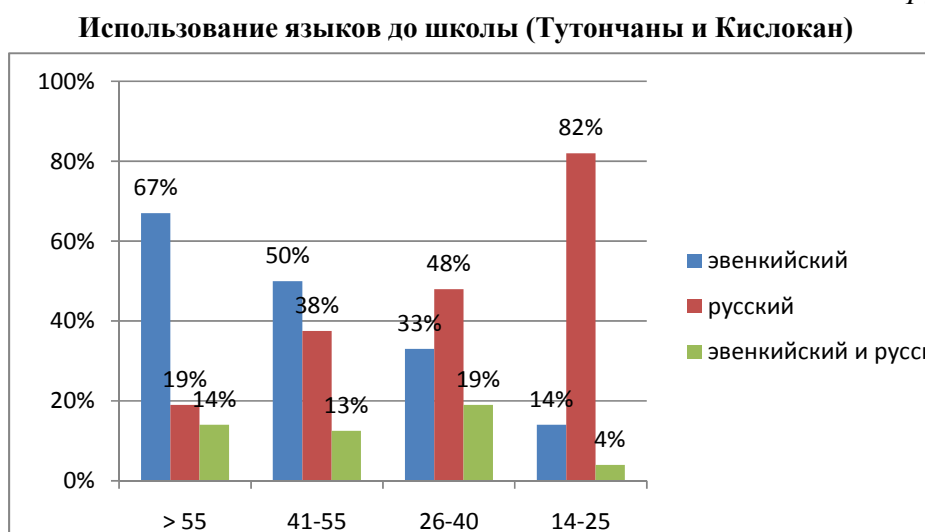
Диахронный аспект отражает динамику использования языка во времени. Система интернатов сильно повлияла на языковую ситуацию у КМНС и во многом способствовала быстрому языковому сдвигу, о чем неоднократно писали ученые (см., например, *Вахтин 2001б*).

“Я даже помню, меня с тайги привезли — я вообще не знал русского языка. Вообще не знал. Многие девчонки тоже не знали. Начали постепенно, постепенно начали русский язык. И все, так и пошло на русский язык. Большой уклон стал на русский язык. Начали забывать. Никто не запрещал, просто...ну, такая, видимо, политика была, что на русский. Меньше проблем будет. Русский язык знаешь — меньше проблем. Там не надо переводчиков или кого-то. Ну, и были тоже такое, что на своем заговорим... ‘аха, закыркыгыр!’ Дразнили. Это давно, конечно, было” (эвенки, 1945 г.р., Кислокан).

Если в старшем поколении респонденты имели возможность говорить на эвенкийском языке в школе во время перемен и после уроков, то уже в среднем поколении процент людей, употреблявших этот язык, резко снижается и, наконец, оказывается равным нулю в младших поколениях опрошенных эвенков. Несмотря на то, что система образования без дополнительных мер не может способствовать языковому возрождению, она может помочь “убить” язык (*Skutnabb-Kangas 2000: 6*). Всего за несколько поколений эвенки в рассматриваемой группе поселений перешли от моновязычия с эвенкийским языком через билингвизм к русскоязычному монолингвизму, “именуемому в оби-

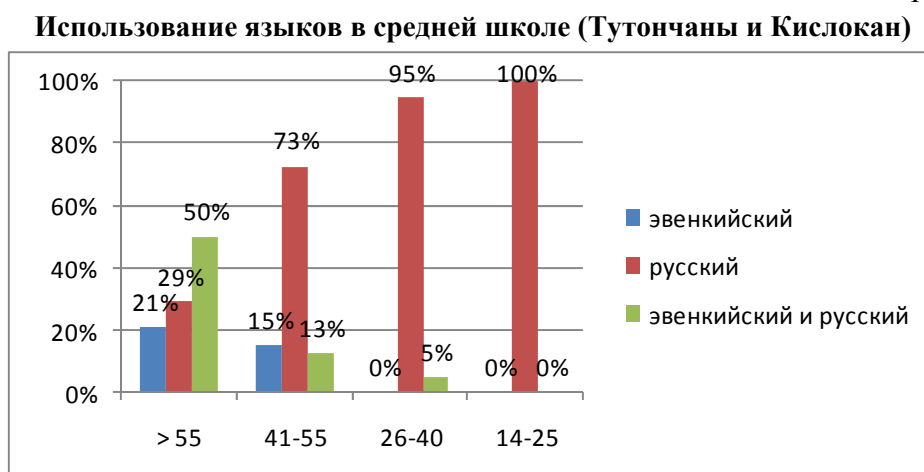
ходе невлаждением языком своего народа” (Бурыкин 2010). Цифры довольно наглядно показывают процесс языкового сдвига.

Рис. 4

Необходимо отметить, что представленные в таблице данные отражают только то, какие именно языки употребляли респонденты, но не интенсивность их использования или уровень знания этих языков.

Рис. 5

Не менее важным фактором сохранения языка является использование его в семье. Дж. Фишман отмечал, что на исчезновение языка влияет больше не отсутствие школьного образования на нем или государственный статус, а то, что этот язык перестает употребляться в повседневной коммуникации и прерывается неформальная внутрипоколенная передача языка (*Fishman* 1997: 194). Собранные данные показывают, что в настоящий момент можно утверждать, что внутрисемейная передача эвенкийского языка в рассматриваемых населенных пунктах прервана. В Кислокане и Тутончанах только 9% всех опрошенных эвенков в возрасте 14–25 лет употребляют эвенкийский язык в общении с родителями (в остальных возрастных группах этот показатель выше: 26–40 лет – 43%, 41–55 – 60%, старше 55 лет – 91%). Респонденты в возрасте 14–25 лет совсем не используют эвенкийский язык при общении с супругом(ой) и детьми. Только 18% опрошенных в возрастной группе 26–40 лет говорят на эвенкийском языке с супругом(ой) и 6% – с детьми. Примерно такие же данные для третьей возрастной группы 41–55 лет (14% и 11%). В последней группе опрошенных людей старше 55 лет этот показатель равен 70% и 28% соответственно. В качестве исключения можно назвать одну семью из поселка Тутончаны, в которой юноша 18 лет свободно говорит по-эвенкийски, что сочетается с занятием оленеводством.

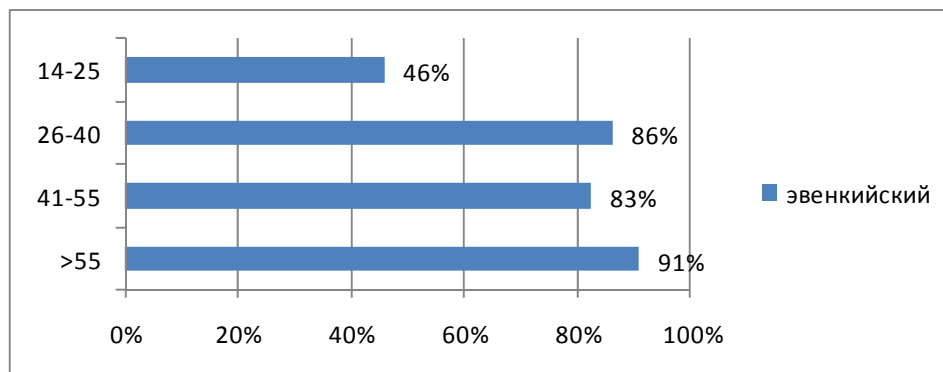
Ссылаясь на некоторые исследования функционирования языков в условиях языкового сдвига или их “умирания”, С. Ромейн отмечает, что невозможно выделить такие социальные переменные, которые бы всегда приводили к языковому сдвигу или к образованию креольских языков. В ситуации языкового сдвига не только наблюдателю, но и члену языкового сообщества зачастую сложно определить, кто из окружающих людей владеет языком, а кто нет (*Romaine* 1989). Это парадоксальное высказывание действительно подтверждается моими наблюдениями. В ходе исследования среди илимпийских эвенков я заметила, что за исключением нескольких представителей старшего поколения люди не всегда могли точно назвать тех, кто говорит на эвенкийском языке, даже если они сами им владеют. Нередко люди интересовались у меня и у других участников экспедиции, насколько хорошо знает язык тот или иной человек. Это связано с тем, что эвенкийский язык в рассматриваемой группе поселений редко используется в межличностном общении. Высокая доля русского населения в обоих поселках во многом обуславливает выбор эвенками русского языка в качестве посредника в коммуникации и, по мнению респондентов, им бывает неловко общаться на своем языке в присутствии русских. По данным опроса в поселках Тутончаны и Кислокан 62% рес-

пондентов (эвенков) в возрасте старше 55 лет употребляют эвенкийский язык в общении с соседями, в возрасте 41–55 лет – 35%, в возрасте 26–40 лет – 14% и в последней возрастной группе 14–25 лет этот показатель равен нулю.

Однако при таких низких процентах употребления эвенкийского языка в межличностном общении, показатель отношения к эвенкийскому языку как к необходимому все еще остается довольно высоким во всех возрастных группах.

Рис. 6

Выбор эвенкийского языка эвенками на вопрос “Какие языки Вам необходимо знать” (Тутончаны и Кислокан)

Процент ответивших, что их детям важно знать эвенкийский язык высокий во всех рассматриваемых возрастных группах эвенков. В одном из поселков – в Кислокане – этот показатель в последних двух возрастных группах в несколько раз выше, чем в другом (100% респондентов в возрасте 26–40 лет и 72% в возрасте 14–25 лет ответили, что их детям необходимо знать эвенкийский язык, и 50% и 13% соответственно – в Тутончанах). Высокий показатель выбора респондентами эвенкийского языка в качестве значимого языка для их детей свидетельствует о том, что при грамотном языковом планировании языковое возрождение в данной группе поселений скорее всего будет эффективным. В современной ситуации, когда зачастую внутрисемейная передача эвенкийского, как и многих других языков КМНС, прервана, важная роль должна отводиться образованию. Статья 8 Хартии содержит ряд мер, направленных на включение языков в учебные программы. При этом специфика функционирования языков КМНС требует к ним особого подхода и в отношении образования, разработки специальных программ языкового обучения.

Система образования и язык

В настоящее время большинство детей в России обучают в школах по программе “субмерсии” (*Skutnabb-Kangas* 2000: 582–587), когда вся учебная деятельность проходит на языке большинства, т. е. на государственном языке. Если на государственных языках республик осуществляется обучение, то языки КМНС довольно слабо представлены в системе российского образования (*Тишков и др.* 2009). Предмет “родной язык” входит во многие учебные планы школ, однако в реальности такой урок в расписании зачастую отсутствует, например, по причине нехватки учителей в отдаленных поселках. Существуют и значительные трудности с учебными материалами. Приведу показательный в этом отношении пример с нивхским языком.

В школе № 2 в Ногликах нивхский язык преподается в качестве факультатива. Количество часов, отведенных по плану на его изучение, уменьшается с каждым годом и составляет сейчас 1 час в неделю с 5 по 9 классы. В начальной школе обучение нивхскому языку не предусмотрено, что создает разрыв в программе между детским садом и средней школой.

Среди основных проблем обучения детей нивхскому языку учителя называли следующие: отсутствие методической и учебной литературы и нежелание детей или их родителей изучать нивхский язык. Учебники нивхского языка, по которым ведутся занятия в школе, продолжают переиздаваться без изменения содержания: *“Тот же наш учебник взять. Он хороший, красочный, но содержание... Там же стихи про Ленина! Они спрашивают у меня, а что такое ‘интернат’, ‘колхоз’”? (нивхи, около 45 лет, Ноглики).*

Проблема постановки произношения не менее существенна, т. к. фонетика нивхского языка сильно отличается от русской. Дети приходят в детский сад уже без знания нивхского языка, поэтому для овладения этим языком им требуется специалист-логопед. Возникающая из-за этого у детей языковая интерференция рассматривается логопедом как искажение: *“У нас если звук какой, язык вот так выгибается, сгибается, воздух выходит из щелей. Дети начинают на занятиях русского языка, именно логопедических, делать так, как я им показывала. Она говорит: я никак не пойму, почему я учила мягко... вроде бы выучили, все, а упор идет. Не пойму. Ребенок или шепелявить начинает или что-то не то.... Это должна быть большая работа ученых. Закрепление звука не идет. То, что мы учим, это не правильно. Нужен логопед” (нивхи, около 55 лет, Ноглики).*

В школе № 2 учится примерно 300 детей, из них представителей КМНС – 79. Изучают нивхский язык только 20 человек. Занятия проходят в

игровой форме: дети рисуют, вышивают, иллюстрируют нивхские сказки. Нивхский язык в учебное расписание ставят обычно последним уроком, так как он не входит в общую школьную программу. Получается, что занятие нивхским языком проходит довольно поздно, когда у детей уже нет желания проводить еще 45 минут в школе. Отдельный предмет, предназначенный только для детей народов Севера, вызывает насмешки у одноклассников. Оставаться после уроков в школе — не престижно, что сильно понижает статус нивхского языка. Приведу отрывок беседы учителя с детьми о том, почему некоторые из них не хотят учить нивхский язык: “— *Вы хотите быть русскими? — Нет! Только все обзываются. — Кто обзывается? Русские? — Да не только русские. Все обзываются иногда*”.

Еще одна не менее значимая проблема — обучение на литературном языке. Например, нивхский язык по разным оценкам ученых насчитывает от двух до четырех диалектов, различия между которыми еще не изучены. Учителям приходится адаптировать к собственному диалекту как учебники, так и аудиозаписи.

В Эвенкийском р-не жители поселков также отмечали, что не понимают литературного эвенкийского языка и поэтому не могут помочь своим детям в овладении им. Несмотря на то, что в основе литературной нормы эвенкийского языка лежит полигусовский диалект, который довольно близок к диалектам в рассматриваемом группе поселений, мне и другим участникам экспедиции не раз приходилось слышать о том, что даже проверка домашнего задания по эвенкийскому языку вызывает у родителей трудности.

Проблема непонимания литературной нормы языка во многом связана с тем, что письменность для языков КМНС была создана только в XX веке, а стандарты языка под действием языковой политики нередко менялись, таким образом, литературная традиция еще не успела сложиться. В этом отношении интересна работа А.А. Бурыкина, в которой освещаются некоторые проблемы литературного языка на примере эвенского языка (*Бурыкин 2007*). В то же время, говоря о литературной норме, мы неизбежно сталкиваемся с такими сложными проблемами, как соотношение язык/диалект и с определением самого понятия нормы. В связи с тем, что определение статуса языка может стать политической проблемой, в социолингвистике появилась концепция аусбау-парадигмы, направленная на то, чтобы заменить устоявшиеся термины “язык”, “диалект” более нейтральными, тем самым, сделать процедуру определения статуса языка объективней (*Kloss 1967*). Одним из возможных реше-

ний этой проблемы могло бы стать осуществление как корпусного планирования— приведение языковой нормы в соответствие с требованиями времени, что включает в себя составление обновленных словарей и грамматик, так и терминологического планирования (меры изложены в Статье 12 Хартии). Введение ряда предметов на некоторых языках затруднено в связи с тем, что в этих языках отсутствует соответствующая той или иной науке терминология. При этом сами представители КМНС считают, что подобная проблема решаема: *“Учебников нет, трудность с методикой. Пособий никаких нет, чтобы переходить. А было бы прекрасно, если бы человек взялся создать такой учебник. Например, ребенок мог бы изучать биологию на родном языке, анатомию. Мы же изучаем как на родном языке будут глаза, голова, волосы, живот, части тела, что он бежит, прыгает, ест, он тонкий, толстый. В принципе, мы все это изучаем”* (нивхи, 1959 г.р., Ноглики).

Однако в рамках обычной системы школьного образования сложно создать оптимальные условия для развития полного двуязычия. Более того, такая задача зачастую не стоит перед учителями. Выходом из этой ситуации могла бы стать разработка специальных программ, учитывающих специфику культур КМНС (см. обзор действующих зарубежных программ по развитию двуязычия у детей: Policy and Practice 1995; Раннут 2004; Skutnabb-Kangas 2000; Bilingual Education 2007; Казакевич 2008). Опыт самих носителей языка также может оказаться полезным. В этой связи уместно привести в пример проект этнолагеря для нивхов в Ногликском р-не Сахалинской области. Инициаторами проекта этнолагеря для нивхов стали учителя нивхского языка средней школы № 2 в Ногликах. Проект этнолагеря учителя рассматривают в качестве альтернативы жесткой системе обучения. Взяв за основу нивхские традиции, они пытаются привлечь детей к нивхской культуре и языку, понимая, что обычное школьное образование только усиливает языковой и культурный разрыв между поколениями нивхов. Вживание в культуру осуществлялось с помощью разнообразных занятий: дети жили в палатках, участвовали в приготовлении пищи, проверяли сетки, собирали ягоды, метали гарпун и т. д. Большое внимание уделялось взаимодействию детей с представителями старшего поколения, которые в ходе этих повседневных занятий употребляли нивхские слова и выражения. Кроме того, в первый набор было решено взять детей, состоящих на учете в милиции. Этот эксперимент, по мнению учителей, дал положительные результаты.

Подобные проекты, возможно, и не решат полностью языковых проблем, но в состоянии повысить интерес детей к своему этническому языку

и культуре, стать одним из механизмов, направленным на повышение престижа языка как среди самих представителей КМНС, так и у их окружения.

Низкий статус языка во многом обусловлен тем, что он зачастую рассматривается его носителями как “маргинальный”, знание которого, по их мнению, необходимо только для того, чтобы подтвердить свою этническую принадлежность, а также для тех, кто ведет традиционный образ жизни. Существенной проблемой является отказ многих родителей, как в Эвенкийском муниципальном р-не, так и Ногликском р-не, от того, чтобы их дети изучали “родной язык” в школе. Материалы интервью свидетельствуют о том, что многие из опрошенных отрицают не сам язык, но очевидную неэффективность его преподавания, других беспокоит то, что их ребенок вряд ли найдет сферу применения полученным знаниям. Если при этом дети испытывают давление со стороны своих одноклассников и становятся объектами насмешек из-за своей этнической принадлежности, то у языка фактически нет шансов на выживание. *“И сейчас преподавателей эвенкийского языка среди местного населения, вот эвенков, нет ни одного, чтобы профессиональный был учитель. А то преподают такие, просто кончил десятилетку” (эвенки, 1938 г.р., Тура).*

Можно согласиться с идеей Ф. Грина, которую он высказал в работе, названной им самим “инструкцией к Хартии”, что применение мер должно осуществляться последовательно и быть подчинено правилам здравого смысла (Grin 2003: 87). Языковая политика в сфере образования должна занимать одно из центральных мест и быть комплексной: учитывать не только насущные потребности, но и рассматривать проблему языкового сохранения в долгосрочной перспективе. При этом специфика культуры и образа жизни многих КМНС требует особого подхода к разработке для них образовательных программ.

Средства массовой информации и культурная деятельность

Статьи 11 и 12 Хартии посвящены мерам развития языков в СМИ и культурной деятельности. Большое внимание в обеих статьях уделено обеспечению доступа к различным источникам информации (радиовещание, телевидение, пресса, художественные произведения) на языках меньшинств. В Эвенкийском муниципальном р-не выходит газета “Эвенкийская жизнь”, в которой есть небольшая вкладка на эвенкийском языке. Однако газета, издаваемая маленьким тиражом в Туре, редко доходит до отдаленных поселений.

Издательская деятельность на эвенкийском языке в целом не развивается. Если в 1930–1960 гг. было опубликовано около 50 книг на эвенкийском

языке, в 1960–1990 гг. — не более 15, то начиная с 1990 гг. на эвенкийском языке вышли только некоторые библейские тексты (Письменные языки 2003: 651). При этом следует учитывать проблему доставки печатных изданий в удаленные от центра поселки, равно как и доступность радиовещания.

Несколько лучше, на первый взгляд, обстоит ситуация с использованием языка в культурной деятельности (исполнение песен и постановка театральных сцен на этнических языках). Программы по развитию культуры и традиций являются также наиболее “удобной” сферой для получения финансирования, предоставляемого различными государственными и частными фондами. Тем не менее, уход языка из активной сферы функционирования только или преимущественно в фольклорную сферу приводит к проблеме, отмеченной выше: язык превращается в реликт прошлого и ассоциируется у окружающих и его носителей как еще один “фольклорный” элемент, например, наряду с традиционным костюмом, который надевается только на праздник, но запирается в сундук в обычное время. Таким образом, применяя метафору антрополога К. Гирца, мы снова имеем дело с “моделью для чего-то”, а не с “моделью чего-то” (Гирц 2004: 110). Язык выступает в качестве механизма *для* построения утраченной реальности, более этой реальностью не являясь.

Публичная сфера использования языка

В статьях 9, 10 и 13 соответствующей Хартии прописаны разнообразные меры, дающие возможность использовать региональные языки или языки меньшинств в государственных учреждениях, в т. ч. составлять на них платежные поручения, заявления, документы и т. д. Меры направлены на то, чтобы человеку не могло быть отказано в обслуживании только на том основании, что он желает подать заявление в суд или обратиться, например, к государственному служащему или врачу на своем языке.

Вероятно, принятие этих Статей будет наиболее сложно осуществить, т. к. расширение функций языков КМНС и “посягательство” их на сферы доминирования русского языка могут вызвать протест со стороны русскоязычного населения. Тем не менее, работа в этом направлении необходима, а многие положения 9, 10 и 13 Статей Хартии вполне осуществимы уже на данном этапе. Например, в республике Саха (Якутия) официальный статус эвенкийского языка в местах компактного проживания эвенков закреплен республиканским Законом о языках (Письменные языки 2003: 650). Тем не менее, в государственных учреждениях эвенкийский язык фактически не используется. Употребление языка в официальной сфере позволило бы ему выйти за уз-

кие рамки ограниченного использования в семье или в фольклорных практиках, не говоря уже о том, что иногда это просто необходимо, например, для общения социальных работников с представителями старшего поколения в домах-интернатах для престарелых людей.

Заключение. Мониторинг языкового планирования

С помощью примеров, приведенных в этой статье, я хотела показать некоторые языковые проблемы, существующие в настоящее время, а также те слабые стороны и препятствия в функционировании языков, которые зачастую не учитываются официальной статистикой. Прекращение внутрисемейной передачи языка в рассматриваемых поселениях, вытеснение языка из активной сферы употребления в область фольклора, а также отсутствие специально разработанных методик образования, направленных на формирование двуязычия – все эти проблемы характерны для многих КМНС. При этом зачастую именно установки и негативные стереотипы, как говорящих на этом языке, так и их окружения, формируют языковую ситуацию. Этнический язык в сознании его носителей продолжает оставаться лишь символом этнической идентичности, но не языком повседневного общения. Увеличение процента людей в младшем поколении эвенков, называющих русский язык в качестве родного, свидетельствует о том, что “язык предков” для некоторых из них перестал быть неотъемлемой частью этнической идентичности. Однако статистика не всегда раскрывает полностью реальной языковой ситуации. Например, существует довольно сильное противоречие между желанием родителей, чтобы их дети владели языком своих предков, и отсутствием у них мотивации записать ребенка на предмет “родной язык”, который зачастую является факультативным в школе. Такое положение объясняется опасениями родителей, что у их детей не будет возможности применить полученные знания. Это усиливается критикой настоящей программы обучения родному языку. Низкий статус языка зачастую вынуждает родителей и их детей отказываться от использования этого языка.

В связи с названными проблемами предусмотренный Хартией мониторинг языкового планирования представляется весьма актуальным. Наблюдение за тем, как будут выполняться меры Хартии, важно еще и потому, что между законом и его осуществлением в отношении языков имеется по-прежнему большой разрыв. Во “Втором мнении о Российской Федерации Консультативного комитета по выполнению Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств” от 13 сентября 2002 г. указывается, что в боль-

шинстве случаев в России отсутствуют механизмы, которые гарантировали бы реализацию норм, оставляя слишком многое на усмотрение исполнительной власти (Opinion on the Russian Federation).

Мне хотелось бы также подчеркнуть, что если в вопросе ратификации Хартии опираться **только** на идеи сохранения языков ради языкового разнообразия или поддержания статуса России в качестве демократического государства, то ее ратификация не принесет нужного результата. Ратификация должна явиться импульсом для языкового планирования с учетом языкового и культурного многообразия КМНС. Дополнительная экспертная оценка современного положения языков КМНС поможет сделать применение Хартии наиболее эффективным и позволит избежать лишних денежных затрат. При этом принимаемые меры должны решать не только насущные проблемы, но содержать в себе перспективу развития языков, что невозможно без расширения сферы их употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ <http://lingsib.unesco.ru/ru/index.htm> — сайт портала “Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения”.

² <http://minlang.srcc.msu.ru/> — сайт проекта “Документация исчезающих языков” НИВЦ МГУ, на котором находится мультимедийная база данных эвенкийского языка.

³ Работа выполнена в рамках проекта “Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков” в 2008 г. (грант

РГНФ № 07-04-00332a; руководитель проекта — О.А. Казакевич).

⁴ Работа выполнена в рамках проекта “Dynamics of Circumpolar Land Use and Ethnicity: Social Impacts of Policy and Climate Change” (US National Science Foundation) в 2009 г. Руководитель проекта — профессор Томас Торнтон (Environmental Change Institute, University of Oxford).

Литература:

- Бурыкин 2007 — Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). М., 2007.
- Бурыкин 2010 — Бурыкин А.А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие (язык меньшинства как “тайный язык” в отечественном социокультурном контексте) // www.russian-russisch.info/articles/10.html
- Вахтин 2001a — Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.
- Вахтин 2001б — Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. СПб., 2001. С. 11–16.
- Гирц 2004 — Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

- Казакевич 1997 – Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа // Малые языки Евразии. Социолингвистический аспект М., 1997. С. 64–74.
- Казакевич, Кузнецова 1992 – Казакевич О.А., Кузнецова А.И. Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992. С. 92–101, 161–162.
- Казакевич, Парфенова 2000 – Казакевич О.А., Парфенова О.С. Языковая и этнокультурная ситуация в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М., 2000. С. 51–73.
- Малочисленные народы 1997 – Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.
- Монгольские языки 1997 – Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык (серия “Языки мира”). М., 1997.
- Палеоазиатские языки 1997 – Палеоазиатские языки (серия “Языки мира”). М., 1997.
- Письменные языки 2003 – Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М., 2003.
- Раннунт 2004 – Раннунт М. Пособие по языковой политике. Таллин, 2004.
- Тишков и др. 2009 – Тишков В.А., Степанов В.В., Функ Д.А., Артеменко О.И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации. Экспертный доклад. М., 2009.
- Уральские языки 1993 – Уральские языки (серия “Языки мира”). М., 1993.
- Языки народов России 2002 – Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.
- Bilingual Education 2007 – Bilingual education: An Introductory Reader (Bilingual Education and Bilingualism) / Ed. by O. Garcia, C. Baker. Bristol, GB., 2007.
- Fishman 1997 – Fishman J. Maintaining languages. What works and what doesn't // Stabilizing indigenous languages. Flagstaff, Ariz., 1997. P.186–198.
- Grin 2003 – Grin F. Language policy evaluation and the European Charter for regional or minority languages. Basingstoke, 2003.
- Gumperz 1971 – Gumperz J. Language in social groups. Stanford, 1971.
- Kloss 1967 – Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages // Anthropological Linguistics 9(7). Harvard, 1967. P. 29–41.
- Northern minority 1997 – Northern minority languages: problems of survival. Osaka, 1997.
- Opinion on the Russian Federation. Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities (http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNM_docs/PDF_2nd_OP_RussianFederation_en.pdf)
- Policy and Practice 1995 – Policy and Practice in Bilingual Education: A Reader Extending the Foundation / Ed. by O. Garcia, C. Baker. Bridgton, 1995.
- Romaine 1989 – Romaine S. Pidgins, Creoles, immigrant, and dying languages // Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death. Cambridge, GB., 1989. P. 369–383.
- Skutnabb-Kangas 2000 – Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, 2000.
- UNESCO – UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger (www.unesco.org/culture/ich/index.php).

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СЕРИИ

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ»

1990 г.

- №1 Арутюнов С.А., Анчабадзе Ю.Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе.
- №2 Брук С.И. Немцы в СССР: современная ситуация.
- №3 Калиновская К.П., Марков Г.Е. Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев.
- №4 Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов.
- №5 Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области.
- №6 Тер-Саркисянц А.Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области.
- №7 Васильев В.И. Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.
- №8 Иванова Ю.В. Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения.
- №9 Бушков В.И. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР.
- №10 Брусина О.И. О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области.

1991 г.

Серия А:

- №11 Сагнаева С.К. Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР.
- №12 Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти).
- №13 Иванова Ю.И. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии.
- №14 Кульчик Ю.Г., Румянцев С.И. О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова.
- №15 Брук С.И. Народы СССР в стране и за рубежом.
- №16 Гурвич И.С., Батъянова Е.П. Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе.
- №17 Осипов А.Г. Межнациональные

- отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев).
- №18 Жорницкая М.Я. Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.).
- №19 Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Меньшинты Оренбургской области.
- №20 Брусина О.И., Осипов А.Г. К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР.
- №21 Григорьева Р.А. Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгале).
- №22 Емельянов В.М. Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г.
- №23 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития.
- №24 Абашии С.Н., Бушков В.И. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана.
- №25 Молчанов М.А. Этнополитические предпосылки объяснения независимости Украины.

Серия Б:

- №1 Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Государственная политика и современные национальные отношения в Югославии.
- №2 Крюков М.В. Политика национальной автономии в Китае.
- №3 Стельмах В.Г. Самоуправление индейских резерваций в США.
- №4 Кожановский А.Н. Испания: этничность и регионализм.

1992 г.

Серия А:

- №26 Бушков В.И., Микульский Д.В. Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г.
- №27 Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации.
- №28 Сагнаева С.К. Российское казачество.
- №29 Островидова Е.Ю. Трансформация СССР: Предпосылки и перспективы суверенизации бывших союзных республик.

- №30 Тер-Саркисянц А.Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации.
- №31 Сатвалдыев А.Н. К характеристике религиозной ситуации в Шахмардане (Узбекистан).
- №32 Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №33 Губогло М.Н. Развитие этнодемографической ситуации в столицах автономных республик в 1959–1989 гг. (по материалам переписей населения СССР).
- №34 Гузенкова Т.С. Межэтническая ситуация в Калмыкии.

Серия Б:

- №5 Праззаскас А.А. Индия: национальная политика и федерализм.
- №6 Соколова И.В. Политика официального индеанизма в Мексике (идеология и практика).

1993 г.

- №35 Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском национальном районе Якутии.
- №36 Малькова В.К. Проблемы русской диаспоры в ближнем российском зарубежье (по материалам прессы).
- №37 Москаленко Н.П. Этнополитическая ситуация в республике Тува (1992 г.).
- №38 Бутанав В.Я. Этнополитические и этнокультурные процессы в республике Хакасия.
- №39 Батъянова Е.П. К этнополитической ситуации в Кемеровской области.
- №40 Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикистан: Что происходит в республике?
- №41 Малькова В.К. Пресса о современной этнической ситуации в Татаристане.
- №42 Буяхаев С.С. Этнополитическая и этнокультурная ситуация в республике Бурятия.
- №43 Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы: политика и экология.
- №44 Ногайцы сегодня. [Калиновская К.П., Марков Г.Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи. Викторин В.М. Астраханские ногайцы].

- №45 *Бабич И.П.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии.
- №46 *Кыдыева В.Я.* К этнополитической и этнокультурной ситуации в Республике Алтай.
- №47 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея.
- №48 *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация.
- №49 Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе.
- №50 Современная общественно-политическая ситуация в Средней Азии и Казахстане.
- №51 *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане.
- №52 *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии).
- №53 *Лопуленко Н.А.* Правовой статус и самоуправление у аборигенов Аляски.
- №54 *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области.

1994 г.

- №55 *Тер-Саркисянц А.Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития).
- №56 *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: Этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.).
- №57 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1991–1993).
- №58 *Таболкина Т.В.* Панорама современного казачества: Истоки, контуры, типологизация.
- №59 *Филиппов В.Р.* Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988–1993).
- №60 *Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю.* Этнокультурная ситуация в Беларуси: история, языки, политика.
- №61 *Иванов А.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия).
- №62 *Столярова Г.Р.* Этнополитическая ситуация в Республике Татарстан.
- №63 *Шаров В.Д.* Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл.
- №64 *Бирин В.Н.* Этнополитическая ситуация в Карелии накануне выборов в Федеральное собрание.
- №65 *Гучинова Э.-Б.М., Таванец С.Д.* Этнополитическая ситуация в Калмыкии.
- №66 *Восходов И.И., Комарова Г.А.*

- Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень–зима 1993 г.).
- №67 *Шабает Ю.П., Рогачев М.Б., Котов О.В.* Этнополитическая ситуация на территории проживания народов Коми.
- №68 *Акжиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике.
- №69 *Абаева Л.Л., Крянгев Б.П.* Социально-политологический анализ выборов в Республике Бурятия (сентябрь, 1994).
- №70 *Хаджибиев Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее.
- №71 *Зыков Ф.М.* Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993г.
- №72 *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан.
- №73 *Куликов К.И., Христолюбова Л.С.* Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993г.
- №74 *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г.
- №75 *Зубков А.А., Маресьев В.В.* Демографические процессы, этническая и социально-политическая структура Мордовии.
- №76 *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Этнополитическая ситуация в Северной Осетии.
- №77 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации.
- №78 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации.
- №79 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции.
- №80 *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции.

1995 г.

- №81 *Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н.* Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области.
- №82 *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и Крыму: исто-

- рия и современное состояние.
- №83 *Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика.
- №84 *Мартынова М.Ю.* Война на Балканах: истоки и реалии (1991–1994 гг.).
- №85 *Здравомыслов А.Г., Матвеева С.Я.* Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве.
- №86 *Рубан Л.С.* Развитие конфликтной ситуации в Астраханской области.
- №87 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А.* Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области.
- №88 *Смольникова Н.В.* Немцы Поволжья: современные этнополитические проблемы.
- №89 *Пчелинцева Н.Д., Самарина Л.В.* Карачай в контексте новой исторической реальности.
- №90 *Кульчик Ю.Г.* Республика Узбекистан в середине 90-х годов.
- №91 *Мартынова М.Ю.* Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений.

1996 г.

- №92 *Исхакова С.М., Валеев Ф.-Т.А.* Сибирские татары: Этнокультурные и политические проблемы возрождения.
- №93 *Михайлов С.С.* Положение ассирийцев – вынужденных переселенцев в Краснодарском крае.
- №94 Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. / *Брусина О.И.* Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане; *Митина Д.А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане/.
- №95 *Малькова В.К.* Русское население в российских республиках.
- №96 *Ямсков А.Н.* Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае.
- №97 *Лопуленко Н.А.* Американский опыт урегулирования проблем коренного населения.
- №98 *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: проблемы занятости и миграции.
- №99 *Каган, Микаэлла.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США.
- №100 *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России.

1997 г.

- №101 *Червонная С.М.* Крымско-татарское национальное движение (1994–1996).
- №102 *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития.
- №103 *Малькова В.К.* Республиканская пресса России – новая этнонациональная идеология.
- №104 *Жуковская Н.Л.* Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы.
- №105 *Аринин А.Н.* Российская государственность и проблемы федерализма.
- №106 *Шабает Ю.П., Пешкова В.М.* Русские в республике Коми.
- №107 *Ямсков А.Н.* Русское население в полиэтнических районах Закавказья, Сибири и Урала.
- №108 *Поляков С.П., Бушков В.И.* Социально-экономическая ситуация в северокавказском регионе.
- №109 *Таболкина Т.В.* Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности.
- №110 *Юраш А.В.* Религиозные организации современной Украины.

1998 г.

- №111 *Малькова В.К., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? (по данным опроса московских школьников).
- №112 *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации.
- №113 *Червонная С.М.* Крым-97: Курултай против раскола.
- №114 *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал.
- №115 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? II. Анализ московской прессы.
- №116 *Сирина А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области.
- №117 *Смоляникова Н.В.* Немцы Волгоградской области: этнокультурная и этнополитическая ситуация в 1995–1997 гг.
- №118 *Балалаева О., Уигет Э.* Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов).
- №119 *Дубова Н.А., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю.* Калининградская область: Современные этнокультурные процессы.

- №120 *Абашин С.Н., Бушков В.И.* Таджикистан: некоторые последствия трагических лет.

1999 г.

- №121 *Рыжакова С.И.* Dievturība. Латышское неоязычество и истоки национализма.
- №122 *Комарова Г.А.* Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на Южном Урале.
- №123 *Шнирельман В.А.* Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в.
- №124 *Кашуба М.С.* Рост национализма в условиях конфликта (пример автономного края Косова и Метохии – Союзная Республика Югославия).
- №125 *Козлов С.Я.* Евреи Москвы в 90-е годы XX века: Действительно ли происходит религиозный ренессанс?
- №126 *Сирина А.А.* Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению?
- №127 *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе.
- №128 *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы.
- №129 *Червонная С.М.* Карачаево-Черкесия – 1999: Выборы главы республики.
- №130 *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Современное природопользование таежного населения Нижнего Приобья.

2000 г.

- №131 *Бабич И.Л.* Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе.
- №132 *Перепись – 2002: проблемы и суждения.*
- №133 *Бабич И.Л.* Правовой монизм в Северной Осетии: История и современность.
- №134 *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе.
- №135 *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне.
- №136 *Рыжакова С.И.* Ромува. Этническая религиозность в Литве.
- №137 *Козлов С.Я.* Иудаизм в современной России: Основные структуры и направления.
- №138 *Города Подмосковья: Этнодемографические и гендерные проблемы.*

2001 г.

- №139 *Зенько М.А.* Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы.

- №140 *Воробьев Д.В.* Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края).

- №141 *Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н.* Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики.
- №142 *Малькова В.К.* Москва многонациональная: конфликт или согласие? III. Русские москвичи и иноэтнические мигранты: Взгляд друг на друга.
- №143 *Рыжакова С.И.* Ливы: Опыт возрождения почти исчезнувшего народа.
- №144 *Матвеев В.А.* «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Политические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов.
- №145 *Степанов В.В.* Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп.

2002 г.

- №146 *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX–XX веков.
- №147 *Матвеев В.А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность.
- №148 *Ситнянский Г.Ю.* Тринадцатый миф о Центральной Азии.
- №149 *Силантьев Р.А.* Этнический аспект раскола исламского сообщества России.
- №150 *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация.
- №151 *Смирнова С.К.* Права народов в мультиэтническом государстве: Путь России.
- №152 *Сирина А.А.* Народы Севера Иркутской области.
- №153 *Юраков А.В.* Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане.
- №154 *Смирнова С.К.* Современные социально-экономические процессы в Удмуртии.
- №155 *Осипов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев).
- №156 *Смирнова С.К.* Современные этносоциальные процессы в Удмуртии.

- №157 *Смирнова С.К.* Современные этнополитические процессы в Удмуртии.
- №158 *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай.
- №159 *Димаева Ф.В.* Ислам в современной Чеченской республике.

2003 г.

- №160 *Ситнянский Г.Ю.* Русские в СНГ – «здесь» или «там»: По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации».
- №161 *Тишков В.А.* Историко-антропологический анализ переписи населения.
- №162 *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов)
- №163 *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне.
- №164 *Аксянова Г.А., Давыдова С.С.* Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян).
- №165 *Анаибан З.В.* Хакасия в постсоветский период (проблемы адаптации к социально-экономическим преобразованиям).
- №166 *Устинова М.Я.* Гражданское общество в Латвийской Республике (1980-е гг. – начало XXI в.).

2004 г.

- №167 *Харитонов В.И.* Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири.
- №168 *Шлыгина Н.В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине.
- №169 *Фаис О.Д.* Обычное право в современной Сардинии (по материалам экспедиции).
- №170 *Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут.
- №171 *Наумова О.Б.* Казахские животноводы в конце XX века (взгляд антрополога).
- №172 *Найденова Е.А.* Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности.
- №173 *Ториев Б.Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.)
- №174 *Губогло М.Н., Дубова Н.А.* Социально-адаптивная и этноразрушительная энергия гастарбайтерства.
- №175 *Субботина И.А.* Молдавия: Этнические модели адаптации к ус-

ловиям трансформирующегося общества.

2005 г.

- №176 *Пастухов В., Рассел Д., Тишков В., Хопман Д., Шенфилд С.* После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов.
- №177 *Грачиёв С.В., Мартыненко А.В., Шилов Н.В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: Проблемы межкультурного диалога.
- №178 *Каландаров Т.С.* Памирские мигранты-исмаилиты в России.
- №179 *Питерская Е.* Современные этносоциальные исследования в Канадской и Американской Арктике.
- №180 *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформация расселения и современные миграционные процессы.
- №181 *Мартынова Е.П., Ливнева Е.А.* Коренные народы Обского Севера: Современное положение. Опыт адаптации.
- №182 *Олимова С., Олимов М.* Трудовая миграция в Афганистане.
- №183 *Финно-угорские народы России:* Общее положение, проблемы и решения.

2006 г.

- №184 *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях.
- №185 *Мартынова М.Ю.* Сербия–Черногория–Косово: одно государство или три?
- №186 *Сирина А.А., Фондад Г.А.* Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».
- №187 *Новикова Н.И.* Рынок труда и занятость коренных малочисленных народов Севера России: Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область.
- №188 *Александренков Э.Г.* Индигенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях).
- №189 *Новикова Н.И., Якель Ю.Я.* Судебная защита права на традиционное природопользование: Антрополого-правовые аспекты.
- №190 *Остапенко Л.В.* Технологии адаптации к постсоветским реалиям. Русские предприниматели в новом зарубежье.
- №191 *Анаибан З.В.* Население Южной Сибири в эпоху перемен: Адаптация к новым условиям жизни.

- №192 *Рыжакова С.И.* Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования.

2007 г.

- №193 *Череватенко В.И.* Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта.
- №194 *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX– начало XXI века).
- №195 *Устинова М.Я.* Латвийская Республика после вступления в Евросоюз: Новые вызовы.
- №196 *Тишков В.А., Шабеев Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу.
- №197 *Александренков Э.А.* Аборигены Колумбии и государство.
- №198 *Ситнянский Г.* Отношения Юга и Севера Киргизии: История и современность.
- №199 *Банашева М.Г.* Бурятская община г. Москвы.

2008 г.

- №200 *Тишков В.А.* 20 лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений.
- №201 *Малькова В.К.* Образы многонационального города в современной столичной прессе.
- №202 *Брусина Н.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции.
- №203 *Тер-Саркисянц А.Е.* Современная политическая и этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе.
- №204 *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор.
- №205 *Сирина А.А., Жуковская Н.Л., Инешин Е.М., Рагулина М.В., Тюхтенева С.П.* Газ на экспорт: Этнокультурные проблемы транспортировки.
- №206 *Чубарова В.В.* Стереотип поляка в польском и русском восприятии: Опыт антропологического исследования.
- №207 *Харитонов В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм).
- №208 *Бабич И.Л.* Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа

2009 г.

- №209 *Локшин А.Е.* История российских евреев в школьных учебниках РФ.
№210 *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции.
№211 *Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени
№212 *Кожановский А.Н., Любарт М.К.* Проблемы западноевропейской иммиграции на примере Франции и Испании.

- №213 *Бабич И.Л.* Культура шапсугов Причерноморья и проблема сохранения идентичности в XXI веке.
№214 *Эпштейн А.Д.* В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации Палестино-Израильского конфликта.
№215 *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма.

2010 г.

- №216 *Данилко Е.С.* Маленький провинциальный город в современной России.
№217 *Новикова Н.И., Степанов В.В.* Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области.
№218 Европейская языковая Хартия и Россия.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:

119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.

Институт этнологии и антропологии РАН

тел. 938-00-19, 938-58-79

E-mail: INFO@IEA.RAS.RU

fax: (7-495) 938-06-00

<http://www.iea.ras.ru/>

Valery Tishkov, member of the Russian Academy of Sciences, professor, director of the Institute of Ethnology and Anthropology, RAS; leading specialist in political anthropology. Author and editor of numerous publications, including "Ethnicity and power in the contemporary world" (United Nations University Press, 1996); "Ethnicity, Nationality and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame" (Oslo, 1997); "Chechnya: Life in a War-Torn Society" (California Series in Public Anthropology, 2004). Current research interests: social anthropology of Northern America and Russia; ethnicity, nationalism and ethnic identity politics; history of Russian anthropology.

Sergey Sokolovskiy, research fellow at the Centre of Interdisciplinary Research, IEA RAS. Author of books "The Kriashens [Orthodox Tatars] in the All-Russian Census of 2002" (1st print Moscow, 2004; 2nd print. Naberezhnye Chelny, 2009); "Ethnocultural Policy Perspectives in the Russian Federation" (Moscow, 2004); "Images of Others in Russian Science, Law and History" (Moscow, 2001); "Minority Rights: Anthropological, Sociological, and International Law Perspectives" (Moscow, 1997); "The Altay Mennonites: Ethnic Demography and Population Structure" (Moscow, 1996). Current research interests: indigenous and minority status construction; minorities and indigenous peoples' rights; identity politics; history of Russian anthropology.

Valery Stepanov, research fellow at the Centre of Ethno-Political Studies, IEA RAS. Author, co-author and editor of books "Peoples of Russia: Atlas of Cultures and Religions" (Moscow, 2010), "Ethno-Cultural Education" (Moscow, 2010), "New Ethnic Groups in Russia" (Moscow, 2008; co-editor V. Tishkov), "Ethno-Cultural Composition of Russia: Census 2002" (Moscow, 2007), "Measuring Conflict" (Moscow, 2004, co-editor V. Tishkov), "Methods of Ethno-Ecological Expertise" (Moscow, 1999). Current research interests: ethnic policies and legal processes, ethnic ecology, migration studies, demography and geography of ethnic groups.

Olga Podlesnykh, research fellow at the Centre of Ethno-Political Studies, IEA RAS. Author in article collections "Ethnic Categories and Statistics" (Moscow, 2008), "New Ethnic Groups in Russia" (Moscow, 2008), "Ethno-Cultural Composition of Russia: Census 2002" (Moscow, 2007), "Federalism and Ethnic Policy in Multi-Ethnic States" (Moscow, 2001)? "Homo Juridicus" (Moscow, 1997).

Dmitry Funk, research fellow of IEA RAS, head of Siberian Peoples Dept., IEA RAS. Author and editor of books "Teleuts of Bachat: historic-ethnographic study" (Moscow, 1993), "Teleut Shamanism" (Moscow, 1997), "The Small Indigenous Nations of Northern Russia: A Guide for Researches" (Åbo Akademi University, 1999, in co-editorship with L. Sillanpää); "Teleut Folklore" (Moscow, 2004); "The World of Shamans and Narrators" (Moscow, 2005); "Post-Soviet Transformations: Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia" (Uppsala, 2009; in co-editorship with H. Beach and L. Sillanpää); "Shor Heroic Epos" (Moscow, 2010). Current research interests: identities and social structure; anthropological study of social and economic transformations; anthropology of religion; cultural heritage research, including folklore and linguistic studies; history of anthropology.

Nadezhda Mamontova, PhD student at Siberian Peoples Dept., IEA RAS. Current research interests: linguistic rights of indigenous minorities, social anthropology of the Finno-Ugric and Tungus peoples of Russia, sociolinguistics. Author in article collections on linguistic and anthropological ethnography (Moscow, 2007, 2008).

